

Юго-Осетинский государственный университет
им. А.А. Тибилова

«Этногенез и этническая история осетин»

Материалы международной научной
конференции

15-16 мая 2014 г.

г. Цхинвал
издательство ЮОГУ
2014 г.

Материалы международной научной конференции
«Этногенез и этническая история осетин»: Сборник статей,
Цхинвал: типография ЮОГУ, 2014,-78 стр.

Издается по решению Ученого совета ЮОГУ

Научный редактор Тедеев В.Б.

ЮОГУ 2014г.

Гаглойти Ю.С.
(г. Цхинвал, ЮОГУ им. А. А. Тибилова)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОСЕТИН.

Концепция аланского происхождения осетин, возникшая на рубеже XVIII - XIX вв. (Я. Потоцкий, Ю.Клапрот), фактически являлась теорией скифо-аланского происхождения. Сутью этой концепции являлась идея о том, что осетины, проживающие на Центральном Кавказе, являются потомками древних скифов, осевших на Кавказе в период их переднеазиатских походов VIII – VII вв. до н.э. и известных в средневековье под именем алан и асов – ясов – овсов. В силу ряда объективных причин эта идея постепенно трансформировать в концепцию чисто аланского происхождения осетин, практически без учета роли скифского элемента в этом процессе. Этому во многом способствовала вышедшая в 1822г. в Париже брошюра Ю. Клапрота, в которой приводились доказательства «идентичности кавказкой народности осетин с аланами средних веков» (Klaproth, 1822), получившая широкую европейскую известность и признание научных кругов.

Без преувеличения можно сказать, что концепция аланского происхождения осетин успешно выдержала испытание временем. Об этом можно судить как по работам западноевропейских авторов, так и русских исследователей XIX – первой четверти XX вв. (Гаглойти, 1966 г. с.9 -24). Особенно большую роль в утверждении концепции скифо-аланского происхождения осетин сыграли труды В.Ф.Миллера и в первую очередь его знаменитые «Осетинские этюды» и статья «Черты старины» в сказаниях и быте осетин» (Миллер, 1882), положившая начало сравнительно-историческому изучению нартского эпоса и скифо - осетинских этнографических параллелей. Слова ученого о том, что предок

современного языка «существовал, по крайней мере, за тысячелетие до Р.Х.», и что поселение предков осетин «в припонтийских и приазовских областях произошло, по меньшей мере, раньше Х в. до Р.Х.» (Миллер, 1887, с.73, 101), не нашедшие, к сожалению, какого-либо отклика, в нашей историографии, ясно показывают понимание им процесса этногенеза осетин.

Положение в этом вопросе начинает коренным образом меняться после установления советской власти. Стремление отдельных представителей новой интеллигенции пересмотреть некоторые традиционные взгляды, вполне понятное в новых условиях, зачастую приводило к явным перекосам и перегибам при решении тех или иных проблемных и, не являющимися таковыми, вопросов. Сказалось это и на концепции аланского (скифо-аланского) происхождения осетин и сказалось далеко не лучшим образом.

Первой ласточкой в этом вопросе явились высказывания Н.Я. Марра, чей большой научный авторитет и занимаемые им высокие должности надолго определили отношение многих исследователей к выдвинутым им положениям. Суть этих положений сводилась к тому, что осетины, несмотря на их иранский язык, принадлежат к «яфетидам смешанного типа» и являются «одним из видовых представителей кавказских этнографических типов» (Марр, 1916, с.1395; 1918, с.2071; 1922, с.15). Ему же принадлежит идея о троичности местной до иранской этнической подосновы, названия которых являются якобы этнонимами «яфетического происхождения...» (Марр, 1918, с. 2077). Под «яфетидами» Н.Я. Марр подразумевал представителей различных этноязыковых групп Кавказа, исключая осетин, якобы находившихся в изначальном родстве.

Следует однако отметить, что Н.Я. Марр допускал и иную трактовку этногенеза осетин. Касаясь ираноязычности осетин и курдов, он ставил вопрос о том, не являются ли они чистыми ариоевропейцами иранской ветви, натурализовавшихся в крае «с усвоением некоторых языковых и бытовых черт окружающей среды, на севере - яфетической» (Марр, 1920, с. 25). Этот тезис, к сожалению, не получил у автора дальнейшего развития, а сторонники субстратной концепции, всегда категорически открещившиеся от марровских идей, посторались его не заметить.

Широкомасштабная критика «яфетической» теории и других положений Н.Я. Марра, последовавшая после появления

известных работ И.В. Сталина по языкознанию в 50 – х годах прошлого столетия, казалось, навсегда покончила с «марризмом» и его отдельными проявлениями. Однако этого не произошло. В силу ряда причин, «яфетическая» концепция происхождения народов Кавказа постепенно трансформируется в теорию генетического родства т.н. «иберийского - кавказских» языков, которая, как и ее предшественница, так и осталась недоказанной (Климов, 1965, с. 64- 77; Меликишвили, 1965, с. 17 - 18). С другой стороны, эта же концепция с незначительными поправками, не имевших впрочем, принципиального значения, явилась фактически основой «субстратного» происхождения осетинского этноса и его двухприродности. Сутью этой двухприродности являлось положение о том, что этногенез осетин – это результат слияния двух начал, «пришлого» аланского и «местного кавказского».

Такая трактовка этногенеза осетин явно противоречила очевидным историческим фактом, лежащим, можно сказать, на поверхности. Это прежде всего этническая история Центрального Кавказа, территория которая была основным регионом формирования осетинского этноса и которая очень хорошо освещена письменными источниками как раз на рубеже веков (Страбон, Плиний, Птолемей, Тацит). По данным Страбона, уже в последних веках до н.э. родственные скифам и сарматам племена южных склонов Центрального Кавказа, составлявшие «воинственное большинство» населения аршакидской Иберии, непосредственно соседнили со своими северными соплеменниками (XI,III,3).

Их непосредственными соседями с севера были в первую очередь «нижние аорсы», южная граница которых возможно даже проходила по южным склонам хребта, так как они непосредственно соприкасались с талами Плиния (VI,16), т.е. туалами (Гаглюйти, 1964 с. 29), одним из древнейших этногеографических групп осетин Центрального Кавказа. Таким образом, уже на рубеже н.э. население обоих склонов Центрального Кавказа состояли преимущественно из родственных племен скифо-сарматского этноязыкового круга.

В этом отношении весьма показательны, что тот же Страбон, суммарно обозначая население Центрального и Западного Кавказа этногеографическим термином «кавказцы», пишет, что большинство этих «кавказцев» составляли сарматы (XI, II,16). С этим сообщением Страбона перекликаются сведения древне-

грузинских хроник о том, что основную массу «кавказианов» Центрального Кавказа составляли «овсы» (осетины) и, в первую очередь, двалы (осет. «туал»). Согласно генеалогическим преданиям восточногрузинских горцев, предки современных пшавов и хевсуров некогда вытеснили из мест их проживания племя «кавказуров», в названии которого нельзя не видеть «кавказцев» Страбона и «кавказианов» древнегрузинских хроник.

Совершенно очевидно, что в таких условиях этнической карты Центрального Кавказа не приходится говорить о каком-либо «субстрате», отличном от осетинского в данном регионе, с появлением здесь этнонима «аланы». Этот же факт при всем желании никак нельзя связать с каким-либо миграционным процессом, поскольку ни один письменный источник не содержит даже намека на связь одновременного появления имени алан на Северном Кавказе или в Северном Причерноморье с их переселением. Все существующие по данному вопросу письменные источники, а других источников просто нет, свидетельствовали о том, что появление имени алан в I в. н.э. было результатом внутренних перегруппировок в сарматском объединении и образованием нового объединения под главенством аорсов, принявших имя алан (Гаглойти, 1964; 1969);).

Эти и другие факты послужили основанием для резкой критики концепции Е.И. Крупнова и следовавшего за ним В.А. Кузнецова об этногенезе осетин, а также проблем этнической идентичности алан, времени и условия появления алан на Северном Кавказе и связанных с ними вопросов. (Гаглойти, 1962; 1963, 1965). Открытая критика Е.И. Крупнова, занимавшего долгое время ряд ответственных постов в системе АН СССР, привела к мысли о необходимости проведения специальной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. С проведением такой сессии были согласны обе стороны и она состоялась в октябре 1966г. во Владикавказе (Орджоникидзе).

На сессию было вынесено и заслушано 7 докладов, 9 сообщений и 13 выступлений. Ожидалось, что сессия пройдет преимущественно под знаком острой полемики между В.И. Абаевым и Е.И. Крупновым, обменявшимися в своих выступлениях рядом критических замечаний. Однако этого не произошло. Оба специалиста занимали по рассматриваемому вопросу, казалось бы, резко противоположные позиции. Е.И. Крупнов, к примеру,

был категоричен в утверждении, что «ведущее место в этногенезе осетин следует отнести кавказской аборигенной общественной среде» (с.41), В.И. Абаев же придавал в этом процессе решающую роль аланам, однако в своей формулировке не был столь категоричен, как его оппонент, высоко оценивая и роль «кавказской» этнической среды.

Однако и в своем заключительном слове В.И. Абаев отметил, что постановка вопроса о том, какой из двух компонентов этногенеза осетин, сармато-аланский или местный кавказский, доминирует в этом процессе «не является строго научной. Нет таких весов, на которых можно было бы взвесить удельное значение различных этнических включений» (с. 313). Е.И. Крупнов фактически остался при своем мнении. Следует отметить, что в своем заключительном слове В.И. Абаев фактически признал, что «мы имеем пока **косвенное доказательство** (выдел. нами - Ю.Г.) о субстрате, а со временем глаз лингвистов или археологов сможет более конкретно выявить субстрат и дать ему более точную характеристику, чем это мы делаем сейчас». Большое значение здесь имеет изучение топонимики. Работа в этом направлении очень важна».

Надо сказать, что топонимика дама вполне определенный ответ на поставленную В.И. Абаевым проблему. Согласно подсчетам А. Дз. Цагаевой, виднейшего специалиста по топонимике Осетин, несмотря на языковую пестроту, основное в топонимической стратиграфии Северной Осетии составляют название осетинского слоя. Название указанного слоя занимают ведущее место, не только в количественном отношении (из 8326 топонимов, зафиксированных на территории Северной Осетии, 7012 имеют прозрачное осетинское происхождение). Они определяют также типы топонимического слова, образования и характер топооснов и топоформантов» (Цагаева, 1976, с.171) .

Аналогичное положение мы имеем и в Южной Осетии, в которой зафиксированная «Памятником эристав», (XIV-XVвв.) топонимика Двалетии является преимущественно осетинской, причем подавляющее большинство этих ойконимов сохранилось до наших дней, а этноним двалов дается как в грузинской, так и в большинстве случаев в осетинской форме (дуални и дуалта соответственно). [Гаглойти, 1989; 2007, с. 202-204]. Что касается археологов, то в этом вопросе они

не смогли, да и не могли в силу специфики археологической науки, привести какие-либо конкретные данные.

Участие в этногенезе осетин «двух основных компонентов, скифо-сармато-аланского и кавказского» было отмечено и в резолюции сессии (с.325).

На этом фоне особняком выглядела позиция автора этих строк о «доминирующей и решающей роли скифо-сармато-аланского элемента в становлении осетинского этноса». Такое понимание проблемы происхождения осетин было выражено выводом о том, что «этногенез осетин - это, прежде всего, результат длительного внутреннего развития скифо-сармато-аланских племен Северного Кавказа» (с. 86-87,93). Таким образом, впервые в советской историографии был не только заново поставлен вопрос о решающей роли скифов в этногенезе осетин, но и высказана идея о том, что «появление ираноязычных племен на Северном Кавказе следует датировать не временем появления в письменных источниках скифских племенных названий, а временем распространения в этом районе носителей катакомбной культуры эпохи бронзы...» (с. 96), т.е. II тысячелетием до н.э.

Надо сказать, что предложенная мной формулировка этногенеза и этнической истории была встречена более чем скептически как в целом, так и ее отдельных положений. Это касалось в первую очередь роли скифов в этом процессе и особенно аорсов, как этнических предшественников алан. Поскольку основное внимание участников сессии было сосредоточено на анализе аргументов «субстратного» и «аланского» происхождения осетин, с наибольшей полнотой отразившихся в докладах Е. И. Крупнова и В. И. Абаева, то предложенная мною формулировка не только не получила сколько-нибудь развернутой критики, но и попросту отрицалась с ходу.

Тем не менее, уже в этот период определенно вырисовывался круг источников, которые практически не привлекались к решению проблемы этногенеза осетин, но которые давали веские основания для постулирования роли скифов в этом процессе и их оседание на Кавказе и о Северном Причерноморье, намного раньше общепринятой даты – VII в. до н. э.. Такими данными были и являются скифские этногонические придания в изложении Геродота и Диодора Сицилийского, гидронимика Кавказа и в Северного Причерноморья, глубокая

древность осетино-грузинских этноязыковых связей, данные осетинского нартского эпоса и национальных версий Нартиады, скифо-осетинские этнографические и лингвистические (фразеологические, ономастические) параллели и кое-какие археологические данные. Совокупность данных этих независимых друг от друга источников дает хорошую возможность по-новому взглянуть на важнейшие проблемы этнической истории осетин.

Однако предварительно необходимо сделать ряд замечаний и уточнений.

Одним из решающих доказательств существования субстрата в осетинском В. И. Абаев считая факт существования в нем агглютинативного типа склонения, отличного от флективного в древнеиранских языках (ОЯФ, I, с. 76-77).

Однако этот факт не имеет доказательной силы. Как было впервые отмечено Г.Л. Нахуцришвили, осетинский язык со своим агглютинативным типом склонения «не стоит особняком среди новоиндоиранских языков». Объясняется это тем, что в новоиндоиранских языках склонения имен существительных там, где оно возникло, по своему типу «оказывается агглютинативным». Из этого следует, что существующий в осетинском тип склонения является не доказательством существования субстрата в осетинском, а лишь одним из доказательство развития в новоиндоиранских языках «тенденция к образованию нового, агглютинативного типа склонения» (Нахуцришвили, 1969, с. 83-84).

Об этом же несколько позднее писала и В.С. Расторгуева, которая отметила, что элементы агглютинации в той или иной степени присуще не только абсолютному большинству новоиранских языков, но и некоторым среднеиранским. Что же касается их возникновению, то оно является «неизбежным следствием общей внутренней перестройки морфологической структуры иранских языков в ходе их исторического развития..» (Расторгуева, 1976, с. 45-46).

Тенденция к полному исчезновению флективного именительного склонения в историческом развитии грамматического строя западноиранских языков и формированию в них инновационных падежных систем агглютинативного характера отмечала и Е. К. Молчанова (Молчанова, 1990, с. 12-13).

Добавим к этому, что агглютинация, как способ слова-формобразования, присущ и тюркским (алтайским) языкам (Кононов, 1976, с. 17), так что новогрузинский, вайнахский и дагестанские языки отнюдь не являются чем-то исключительным.

Не может служить доказательством субстрата и наличие в сванском и балкаро-карачаевском имен и образов, идентичных осетинскому божеству охоты и покровитель лесных зверей Æфсати – сван. Апсат, балк. Афсатэ, карач. Апсатэ. (ОЯФ, I с.105; ИЭС, I, с.109). Принимая во внимания, что в тюркоязычном мире имя Æфсати встречается только у балкарцев и карачаевцев, это явление является наследием аланского (осетинского) субстрата в балкаро-карачаевском, а не доказательством «кавказского субстрата в осетинском». То же самое относится и к славянскому, в котором в роли божества охоты и покровителя зверей выступает Дали, а Алсат является таким же заимствованием из осетинского, как и целый ряд эксклюзивных осетино-сванских нартских параллелей, восходящих к осетинскому (Гаглойти, 1974, с. 193-194). Добавим к этому, что имя Æфсати имеет четкие индоиранские корни, что также явно не укладывается в трактовку образа Æфсати как мифологического образа, якобы общему «всему центральному и западному Кавказу» (ИЭС, I, с. 109).

То же самое можно сказать и в отношении таких осетинских этнических названий, как ир(ирон), туал и дигор(дыгур), приводимых как одно из доказательств наличия субстрата в осетинском (Н. Я. Марр, В.И. Абаев).

Все письменные и фольклорные источники, касающиеся туалов (двалов), на основании которых можно говорить о их этнической принадлежности в исторически обозримое время, однозначно говорят о их принадлежности к скифо-аланскому (осетинскому) этносу (Гаглойти, 1996, с. 38-55; 2007, с. 226-228).

Осетинское туал практически в точности соответствует имени Тубал(Тувал). В Библии в перечне сыновей Иафета: Гомер (Киммерейцы), Магог (скифы), Мадай (Мидяне), Иавана (ионяне) и др. (Бытие, 10:2) А у пророка Иезекииля (VI в. до н. э.) Гог (в земле Магога), бесспорно являющийся эпонимом скифов, несколько раз характеризуется как «князь Роша, Мешеа и Тубала» (XXXVIII, 1-8; XXXIX, 1-6) Другими словами, уже в конце первой половины первого тысячелетия до н.э. тубалы, связанные общностью происхождения со скифами, входили в состав общескифского или одного из

скифских военных образований. На этом фоне безупречная фонетическая близость между осетинским туал и библейским Тубал(Тувал) более, чем показательна. По-видимому, именно туалы, как одна из этногеографических - групп алан(осетин), упоминается Моисеем Каланкатуйским (Мовсесом Каганкатваци) под именем тобелов(тобельцев) в перечне «северных народов», вторгшихся в Армению в конце IV в н.э. Эти тобелы составляли одну из трех частей войска северян, которыми командовал «царь Росмосоков» (?). Ими были войско самого царя, гунны и тобелы, (XXIX-XXX). Эти тобелы(туалы), судя по данному факту, представляли собой довольно значительную военную силу. Косвенным подтверждением этого может служить и упоминание арабскими источниками средневековья племени Тул-Ас, название которых Й. Маркварт убедительно сопоставил с туалами - осетинами (Marquart, 1903,с. 164).

Столь же неубедительна ссылка на грузинские наименование народа «Эров (Эр-ни)» и страны Эрети. Как уже неоднократно отмечалось в литературе, эти наименования и производные от них в конечном счете восходят к названиям Ирана(Ерана) и Арианы. Варианты этих названий обозначали также значительную часть Восточного Кавказа, в т. ч. и древнюю Албанию, (ее арабизированная форма Арран, ар-Ран), указывая на распространение иранского этноса к западу от Каспийского моря. Генетическая связь между терминами Аран-Эрети и древний Арианы четко прослеживается по данным средневековых грузинских летописей (Гаглойти,1966, с. 28-32; 2007,с. 171-177).

Именно поэтому фонетическая близость между самоназванием осетин ир, ирон и названием Эров является не доказательством их «субстратного» происхождения, а одним из наглядным доказательством их скифо-аланского происхождения, и генетической связи самоназвания осетин ир-он с корнем ариа.

Не легче обстоит дело и с попыткой связать имя дигоров с самоназванием адыгских народов адыг. В этой связи можно лишь отметить, что из числа народов Кавказа только у осетин сохранилось средневековое название адыгов кæсæг (касоги - касахи - кашаки), неизвестное, кстати, самим адыгам. Это народ упоминается в урартских источниках в форме кашка вместе с абешла которые признаются древнейшими этнонимами абхазо-адыгов.

Ссылка на то, что в «Армянской Географии» VII в. дигорцы, якобы «противоставляются аланам» (ИЭС, I, с. 380) не соответствует действительности. Дело в том, что в «Армянской Географии» описание территории расселения алан на Кавказе с запада на восток начинается со слов: «Во-первых, народ Аланов Аш-Тигор,» где Аш-Тигор тождественен названию Ас-Дигор. Вслед за этим автор Географии пишет, что «за дигорами аланы живут (а не живут аланы как переводят этот отрывок некоторые авторы) в области Ардоз...», т.е. Ас-Дигоры или осетины-дигорцы соседят на востоке с другой группой алан, проживавшей на территории, именуемой Ардоз.

Для решения вопроса о существовании субстрата в осетинском и этноязыковой (или этноязыковых) основы постулируемого субстрата, важное значение приобретает ответ на вопрос – является ли данная основа моногенной или состоит из нескольких языковых групп, не связанных или связанных между собой генетически. Попутно отметим, что концепция «иберийско-кавказского» языкового единства, выдвинутая рядом картвелогов, с самого начала имела и политическую подоплёку.

Особенно четко это проявилось в работах одного из адептов этого направления Арн. Чикобава, который писал: «в термине иберийско-кавказские языки в нашем понимании, иберийские – синоним картвельских (А. С. Чикобава. О двух основных вопросах изучения иберийско-кавказских языков. ВЯ. 1955, №6, с. 91). В термине «иберо-кавказские», как утверждал автор, акцентируется положительное решение вопроса о связи т.н. «северокавказских» языков с южнокавказскими, хотя он и отмечает, что эта связь «часто считается спорной».

Признание автора о спорности данного положения весьма показательно. Дело в том, что за пределами СССР как «яфетическая», так и «иберийско-кавказская» концепции практически никогда всерьез не воспринимались. Как отмечал еще А. Мейе, семья т.н. «кавказских» языков, если таковая в действительности когда-либо и существовала, то она могла представлять собой «единство в V-VI тысячелетиях до н.э. или даже еще раньше» (ВЯ. 1955, №5, с. 52). Аналогичные сомнения высказывались и другими авторами (Услор, Трубецкой Н. и др.)

Прежде чем перейти к рассмотрению этих вопросов, думается, целесообразно рассмотреть вопрос о том, кто же имеется в виду под т.наз.еа «местными племенами». Сделать это тем

более необходимо, что начиная с отмеченных выше работ Н. Я. Марра и вплоть до наших дней не было предпринята даже попытка идентифицировать хотя бы часть этих «местных» племен, отличных от скифоязычных предков осетин, и послуживших якобы субстратом для осетинского. Анализ существующей по данному вопросу литературы показывает, что большинство сторонников этого направления считает таковым т.н. «иберско-кавказские» языки, рассматривая их как генетически связанные между собой.

Наглядным проявлением такого подхода может служить одно известное высказывание В.И. Абаева. Он считал установленным, что в осетинском из кавказского субстрата идут такие важные слова, как къух «рука», къах «нога», дзых «рот», был «губа», фындз «нос», дур «камень», лаг «человек» и ряд других которые не являются иранским наследием. В то же они не могут рассматриваться и как внешнее заимствование из «какого-либо конкретного кавказского языка», поскольку «по фонетическим и семантическим признакам они обычно не имеют точного соответствия ни в одном кавказском языке» (Абаев, 1956, с 280).

Отнесение указанных слов к субстратному слою осетинского языка не было воспринято специалистами (Тордарсон, Бильмайер). В этом отношении особенно показательна номинация лаг«человек», которая в языках ряда соседних народов Кавказа, в которые она проникла, получила, как правило, значение «слуги», «раба», и т.д. Другими словами, мы имеем в данном случае классический пример перехода этнического термина в социальный, а не наоборот, прослеживаемый во многих языках как народов Кавказа, так и вне его. Не нашло подтверждения и мнение об «иберийско-кавказских» языках как генетически связанных между собой.

Полная несостоятельность этой концепции была наглядно продемонстрирована в ходе широкой дискуссии на страницах «Вопросов языкознания» и в других изданиях в 50-70гг. прошлого столетия. К такому выводу практически пришли все участники этой дискуссии – как советские, в том числе и грузинские языковеды Г.А. Климов. Кавказские языки. М., 1965. С. 77; он же, О гипотезе внутреннего родства кавказских языков. ВЯ, 1968, №6, с.25; Г. Ахвледиани. «Лит. Грузии», 1968, №2, с. 14; Т. В. Гамкрелидзе. Современная дисхроническая лингвистика и картвельские языки. ВЯ, 1971, №2, с.28; Г. И. Мачавариани. К

типологической характеристике общекартвельского языка – основы. ВЯ, 1966, №1, с.3-9; Г.В. Церетели. О языковом родстве и языковых союзах. ВЯ, 1968, №3, с.13-14), так и зарубежные (западноевропейские) картвелологи (Г. Деетере, Г. Фогт, К.-Х. Шмидт, Х. Фенрих и др.)

Как отмечал, к примеру, К.-Х Шмидт, доказательство генетического родства всех групп КЯ «до сих пор не приведены и, вероятно, его вряд ли удастся когда нибудь привести» (Проблема генетической и типологической реконструкции кавказских языков. ВЯ, 1972, №4, с. 16). С ним перекликается и Х. Фенрих: «Убедительных доказательств в пользу иберийско-кавказской гипотезы до сих пор еще так и не выдвинуто». (К иберийско-кавказской гипотезе. ВЯ,1974,№2, с.18).

Отсутствие доказательств генетического родства « иберийско-кавказских» языков естественно порождало серьезные сомнения в самой возможности существования такого единства и родства. Г. Фогт, отмечая значительно большую раздробленность кавказских языков в древности, особенно в западном регионе, приходит к характерному заключению о том, что сама природа лингвистических систем этих языков «не благоприятствует к предположению, что таковое вообще существовало» (Индоевропейские языки и сравнительные методы. ВЯ, 1971, №4 с. 38).

Как отмечал Г.А. Меликишвили, мысль о далеком родстве между собой кавказских языков и некоторых древних ближневосточных языков как научная гипотеза имеет право на существование. « Однако данное гипотетическое родство трудно, а может быть, даже вообще невозможно показать методами сравнительно - исторического анализа. Если бы в III тыс. до н. э. на территории Кавказа в условиях довольно развитой социально-экономической жизни существовала « иберийско-кавказская общность, то ее восстановление не могло быть столь не разрешенной задачей, какой она выглядит в настоящее время» (Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и малой Азии. ВДИ, 1965, №1,с. 17-18). Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что до настоящего времени не было представлено серьезных доказательств, которые могли бы подтвердить генетическое родство т.н. « иберийско-кавказских языков. А коль скоро этого нет, то данное положение, по образному

выражению Г.В. Церетели остается « скорее предметом веры, чем знания, и как бы велика не была эта вера, положению о родстве она доказательной силы не прибавит».

Весьма показательно в этом отношении, что ошибочность теории родства «иберийско-кавказских» языков признана и грузинской лингвистической наукой. В заслушанном на научной конференции, посвящённой 100-летию В. И. Абаева докладе З.М. Габуния « Языковой союз народов Кавказа как новая научная парадигма», который явился своего рода квинтэссенцией взглядов грузинской школы языковедов-кавказоведов, констатировалось, что за последние 80-100 лет научному миру «не было представлено капитальных исследований в области фонетики, мифологии, синтаксиса, подтверждавших и связывающих картвельско-кавказское языковое единство» (З.М. Габуния. Языковой союз народов как научная парадигма. //Актуальные проблемы иранистики и теории языкознания, с.95//.

В этом отношении весьма показательно, что международная конференция лингвистов-кавказоведов, прошедшая осенью 2008г. в Махачкале, практически отказались от термина «иберийско-кавказские» языки. Основной вывод конференции гласил, что осуществлявшиеся в кавказоведении исследования по взаимоотношению языков кавказского региона не только не прояснили общую ареальную, картину, а только осложнили ее. «Это особенно касается генеалогической классификации кавказских языков». Что касается выявленных между ними параллелей, то они «дают основание говорить о взаимовлиянии языков, об аллогенетическом родстве, приобретенном в результате давних и длительных контактов (Подч. мной - Ю.Г.) – ВЯ, №6, 2009, с. 145)

Все вышесказанное, думается, наглядно показывает, что термин «иберийско-кавказские языки» лишен реального содержания. Поэтому и не удивительно, что языковеды-кавказоведы, в том числе и картвелологи, чьей епархией, строго говоря, является данная проблема, давно от нее отказались, тогда как археологи, сторонники субстратной теории, продолжают пользоваться этой теорией именно в его первоначальном значении. И когда В.Л. Кузнецов в своем «Введении в кавказоведение» (Вл.2004) утверждает, что «фактом остается то, что народы иберо-кавказской семьи представляют Кавказских автохтонов» (с.14), то остается лишь удивляться о каком-таком «факте» идет речь?

Достаточно заглянуть в «Картлис Цховреба», чтобы легко убедиться. Что грузинская историческая традиция связывает этногенез картлийцев с их переселением с территории Армянского нагорья, где они некогда составляли один народ с армянами и другими таргамосиенами, на территорию совр. Картли, название которой, кстати, происходит от индоевропейского корня карт «двор» (ср. осет. карт). Не случайно, конечно, что грузинская историография первой половины прошлого столетия (И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашия и др.) рассматривала этногенез грузин как результат их переселения из Малой Азии на Кавказ в доантичную эпоху. И только с середины XX в., когда концепция «автохтонного» происхождения чуть ли не всех народов стала превалирующей в советской историографии, под нее подгоняется и трактовка происхождения грузинского этноса (Г.А. Меликишвили). Хорошо известны и южные корни абхазо-адыгов (кашки и абешла ассирийских надписей), а также нахов и части дагестанцев.

Таким образом, на основании вышесказанного можно заключить, что концепция субстратного («яфетического») происхождения осетин не выдержала проверку временем, поскольку ни одно из ее основных положений не нашло своего подтверждения в имеющихся источниках и литературе. Основными контраргументами этой концепции являются этнический состав населения Центрального Кавказа на рубеже н.э., состоявший до появления здесь имени алан преимущественно из племен скифо-сарматского круга, с одной стороны, и отсутствие какого-либо генетического родства между основными языковыми семьями кавказского региона в исторически обозримом времени, с другой.

В то же время, все основные положения теории скифо-аланского происхождения осетин полностью сохраняют свое научное значение. Начатое В.Ф. Миллером изучение скифо-осетинских этнографических параллелей и последующие исследования по данной проблеме убедительно подтверждают его мнение о генетической связи осетин со скифами и существованием носителей осетинского языка на Кавказе и в Северном Причерноморье, как минимум, за «тысячелетие до Р.Х.» Анализ гидронимики Кавказе и Северном Причерноморье, древности и характера осетино-грузинских (скифо-кارتвельских) этноязыковых связей, содержание скифских этногонических

преданий в изложении Геродота и Диодора Сицилийского и некоторые археологические данные позволяют датировать начало скифского этногенеза на Кавказе приблизительно первой половине второго тысячелетия до н.э. (Гаглойти, 2013, с.28-44)

В этом отношении предстоит еще много сделать, но перспективность этого направления не подлежит сомнению. Многочисленные исследования, уже имеющиеся по данной тематике, один перечень которых мог бы занять не одну страницу, полностью это подтверждает. Хочется надеяться, что наша конференция явится, пусть небольшим, но еще одним шагом в этом направлении.

Литература

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор (ОЯФ), I. М.-Л., 1949г.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка (ИЭС). Т. I - IV. М.-Л., 1958.
3. Абаев В.И. Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Ордж., 1966г.
4. Абаев В.И. О языковом субстрате. «Докл. и сообщ. Ин-Та языкознания АН СССР», 1956, т. IX.//ИТ, т. II, с.280.
5. Андрионикашвили М.К. Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям (на груз. яз.). Тб., 1966
6. Гаглойти Ю.С. Аланы и скифо-сарматские племена Северного Причерноморья. ИЮОНИИ, вып. XI, 1962
7. Гаглойти Ю.С. О содержании этнонима «аланы» ИЮОНИИ, вып. XII, 1963.
8. Гаглойти Ю.С. К проблеме выявления алан на Северном Кавказе ИЮОНИИ, вып. XIII, 1964.
9. Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тб., 1966.
10. Гаглойти Ю.С. К изучению топонимики Двалети (по данным «Дзегли эриставта»). «Тедз. докл. 2-й республик. конф. по ономастике: Тб., 1989.
11. Гаглойти Ю.С. Этногенез осетин по данным письменных источников, «Происхождение осет. народа» Ордж., 1967, с. 67-97.

12. Гаглойти Ю.С. К истории северокавказских аорсов и сираков. ИЮОНИИ, вып. XV, 1969.
13. Гаглойти Ю.С. Алано-Георгика. Вл. 2007.
14. Гаглойти Ю.С. Древнейший этап этногенеза и этнической истории осетин. «Этногенез и этническая история осетин» Вл. 2013.
15. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
16. Крупнов Е.И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным. «Происх. осет. народа». Ордж., 1967, с. 22-41.
17. Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа М., 1960.
18. Климов Г.А. Кавказские языки. М., 1956.
19. Марр Н.Я. К истории передвижения яфотических народов с юга на север Кавказа. ИИАН. П., 1916.
20. Марр Н.Я. «Ossetica-Japhetica». ИРАН, сер. VI. т. XII Л., 1918.
21. Марр Н.Я. Кавказские племенные названия и местные паралели. П., 1922
22. Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тб., 1959.
23. Меликишвили Г.А. Возникновение Хеттского царства и проблема древнейшего населения Закавказья и Малой Азии. ВДИ, 1965, №1
24. Молчанова Е.К. Эволюция падежа в новоиранских языках западной группы. Ареальный аспект. «Вопросы иранистики и алановедения». Влад. ,1990
25. Миллер В.Ф. Осетинские этюд. Вып. I-III, м., 1881-1887.
26. Миллер В.Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин. ЖМНП, Ч. ССXXII. С.-Птб., 1882.
27. Нахуцришвили Г.Л. Об агглютинативном характере осетинского именного склонения. ВЯ, 1969, №1
28. Шихалиева С.Х. Международная конференция «Кавказские языки: генетические, типологические и ареальные связи». ВЯ, 2009, № 6.
29. Klaproth J. Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossetes, peuplade de Caucase, avec les Alains du moyen âge. Paris, 1822.
30. Marquart J. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903.

Туаллагов А. А.
(г.Владикавказ, СОИГСИ им. В. И. Абаева)

К ПРОБЛЕМЕ НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА ЭТНОГЕНЕЗА ОСЕТИН ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ (ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ)

Проблема этногенеза осетинского народа уже традиционно решается в археологии в рамках процессов взаимодействия различных групп местного кавказского населения и различных групп ираноязычного населения. Данный подход, насколько можно понять, обусловлен влиянием лингвистических исследований, оперирующих понятиями языкового субстрата и суперстрата, двуприродности осетинского языка, что не представляется достаточно обоснованным для переложения на трактовки собственно археологических материалов. С другой стороны, в современных лингвистических исследованиях в вопросах влияния кавказских языков на осетинский язык наблюдается тенденция к переходу на использование понятия адстрата. В археологических же исследованиях порой наблюдается разнонаправленные этнокультурные интерпретации одних и тех же археологических материалов, что влияет и на результаты общих оценок итогов взаимодействия ираноязычных групп населения с группами кавказского населения.

Е. И. Крупнов полагал, что появление скифских элементов в материальной культуре Центрального Предкавказья VII-IV вв. до н. э. открыло второй этап развития местной кобанской культуры, придав ей смешанный характер, который со временем приобрел весьма заметные черты «скифоидной» культуры. Речь шла о переоформлении местной культуры за счет включения в нее скифских и савроматских элементов, о наличии признаков новой этнической среды. Исследователь выдвинул тезис о смешанном составе местной культуры при сохранении ее основы,

когда происходила лишь постепенная смена языка автохтонов при ассимиляции ираноязычными скифами, а затем сарматами. Включение в местную среду скифских, а позднее сарматских элементов определило начало формирования в центральной части Северного Кавказа основного ядра алано-осетинской народности с сохранением в ее культуре сильных и действенных элементов кобанской культуры I тыс. до н. э.

В то же время Е. И. Крупнов полагал, что пришельцы кочевники лишь политически подчинили себе местную этническую среду, сами перешли на новые оседлые формы хозяйства и восприняли материальную культуру и быт аборигенов. Происходившая инфильтрация скифов, сарматов, а затем аланов в кавказскую этническую среду вела к появлению иных элементов языка и культуры. Начало иранизации местного населения, прежде всего равнинной части, рассматривавшейся с точки зрения вопроса об этногенезе осетин, было связано с появлением «скифо-сарматских племен» с VII-VI вв. Изначально оно не было массовым, приобретая данное качество с последующими сарматскими и аланскими волнами. Но только после гуннского нашествия началось смешение различных этнических элементов и культур и процесс языковой ассимиляции древних и племенных групп аланами за счет их более высокой военной организации и социальной структуры. Аланы сами впитали культуру ассимилированного ими населения, а их язык победил за счет возможного более совершенного состояния, чем язык кобанцев. Именно эта аланская этническая среда, в которой при значительном вкладе иранства ведущее место занимала «кавказская аборигенная общественная среда», имеет генетическую преемственность с осетинами [1-4].

В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев полагают, что с тесными и постоянными взаимоконтактами скифов с местным населением связано проникновение иранской речи. Это была первая, но еще слабая волна, положившая лишь начало языковой иранизации отдельных групп древнего населения центральной части Северного Кавказа. Местная культура не была заменена на скифскую, местные традиции продолжали сохраняться и доминировать [5].

А. П. Мошинский, в частности, указывал, что материалы из Дигорского ущелья конца V-начала IV вв. до н. э. свидетельствуют о новой активизации связей степняков и горцев. Но говорить об

иранизации ущелья в данный период можно только с большими оговорками, т. к. глубокого проникновения инноваций в кобанскую культуру, а тем более в этнос или язык не происходило [6].

В. Б. Виноградов отмечал смену первоначально враждебных отношений скифов с аборигенами на более конструктивные. Затем они сменяются на аналогичные взаимоотношения аборигенов с савроматами, освоившими степи к северу от р. Терек. Между горами и степняками протянулась обширная «буферная» зона, населенная отчасти ираноязычными степняками, подвергшимися кавказскому влиянию, но в основном родственными горцам кобанцами, успешно амортизирующими этногенетические кочевнические влияния. Усиление интенсивности взаимоотношений привело к инфильтрации некоторой части савроматов в южном направлении, особенно активно на плоскости Чечни и Ингушетии. В районах стыка двух миров при непосредственном и тесном соседстве наблюдалось взаимопроникновение культурных элементов, определенный культурный синтез.

Происходило приспособление различных этнических групп и общностей к совместному сосуществованию, к овладению основными элементами культуры соседей, взаимное частичное двуязычие. Находки предметов поволжско-подонского типа документируют активизацию связей аборигенов с савроматскими племенами Северного Прикаспия и частично лесостепного Подонья. Скифо-савроматское, хотя, видимо, в основном савроматское влияние, прослеживается, примерно, в 11% (1:10) местных памятников в равнинной и ближайшей к ней предгорной зонах. Горское население сохраняло свою этническую чистоту. Скифо-савроматское влияние не шло далее умеренного (в обряде отсутствует, в инвентаре очень скромно). Здесь не было никакой ассимиляции кобанцев, которая, если и началась, то только в пограничных равнинных районах.

Впоследствии исследователь пришел к выводу о межэтническом синтезе (миксации) между скифами и кавказцами, о слиянии, породившем новые этнообразования. Они были отличны как от пришлых, так и от горнокавказских племен. Ход этногенеза здесь не подчинял одних другим, а постепенно создавал из их части новый «предэтнос» [7-10]. Предварительный вывод о наблюдавшемся процессе синтеза этносов и культур (савроматы и автохтоны) в контактной зоне Центрального Предкавказья был сделан А. О. Наглером и В. В. Гридневым [11].

В. И. Козенкова полагает, что на первых этапах взаимодействия действовал фактор силового равнодействия, когда при вооруженном нейтралитете осуществлялись многообразные связи при договоренностях относительно нормального функционирования яйлажной системы скотоводства, жизненно важной для горного региона. В такой ситуации превалировал фактор взаимопроникновения культур, ведущий, в конечном итоге, к победе более сильной, кобанской культуры. Под воздействием скифской культуры она приобретает гетерогенный характер, постепенно трансформируясь в ряде признаков, что могло вести к образованию ее локального варианта, иногда с формированием качественно новой культуры.

Несмотря на мощное воздействие новой культуры, происходил процесс постепенного поглощения инноваций и превращения их в традицию. При обогащении и обновлении новыми признаками автохтонная культура сохраняла основной генофонд первоначальных признаков, возвращаясь к исходному рубежу. Проникновение степных черт культуры в среду кавказцев не ликвидировало исконных традиций, как в погребальном обряде, так и в инвентаре, не привело к значительной этнокультурной ассимиляции кавказцев. При этническом смешении степняков и кобанцев все заканчивалось растворением через 2-3 поколения в местной среде скифского компонента, оторванного от своего основного ядра.

У кобанцев появились хорошо организованные в военном отношении общества, в том числе и те, которые включили и растворили культурные и этнические элементы скифского и савроматского происхождения. Они имели взаимовыгодные партнерские отношения со скифами, возможно, поддерживаемые родственными отношениями и отношениями, типа куначества. Такие группы кобанцев поддерживали своеобразный пограничный кордон в зоне контактов со степными инокультурными племенами Предкавказья. Они выделялись среди сородичей своим социальным статусом, обусловленным необходимостью поддержания нормального функционирования яйлажной системы скотоводства, которая требовала постоянного пополнения для пребывания на границе ареала отборного людского контингента, воинов-пастухов, на основе своеобразной кооперации, предполагавшей постоянное выделение таких отрядов из среды отдельных племенных групп. Подобное

положение предполагается и для более раннего периода в пограничных зонах между носителями различных вариантов кобанской культуры.

Для позднекобанского периода отмечалось влияние ираноязычных кочевников скифо-савроматского круга в изменениях местного погребального обряда (увеличение числа грунтовых могил, обложенных камнем, появление подкурганых захоронений с южными направлениями в ориентировке, скифские формы оружия), активизация процесса синкретического сращивания элементов старой культуры с чужеземными новациями кочевников. Но введение термина «скифо-кобанская» или «савромато-кобанская» культура признается неправомочным при всех очевидных чертах синкретического сращивания кобанской и степной культур скифо-савроматского облика.

Степняки теряли свои исконные качества и характер занятий, постепенно смешивались с оседлым населением и сами становились оседлыми, воспринимая и определенные черты быта и культуры кобанцев. Предполагается, что после ослабления силового господства скифского воинского контингента и ухода из Предкавказья его основной ударной части, оставшиеся группы скифов образовали разрозненные анклавные с преимущественно оседлым бытом внутри и в пограничье кобанского ареала. Это положило начало поглощению их местной средой, и только ассимилированные представители этих анклавов в результате брачных прецедентов могли быть приняты внутрь коренного сообщества [12-19].

В. Б. Ковалевская отмечала смешанный состав кобанского населения в VII-VI вв. до н. э. В кобанской культурно-исторической общности определялось последовательное бытование культур, из которых только первая отличалась гомогенностью, тогда как последующие были гетерогенными. В условно названной «скифо-кобанской» культуре представлено сочетание древнекобанских традиций с иранскими инновациями, причем, соотношение между ними различно для различных географических зон (горы, предгорья, равнины и степи) Северного Кавказа. В равнинном Предкавказье размещались группы населения, которые были носителями смешанной кобано-скифской культуры за счет включения в их состав собственно скифов. Отмечаются и важные выводы антропологов «о сложности формирования антропологического состава» носителей кобанской культуры.

Пример могильника Уллубаганалы 2 (Карачаево-Черкесия), в отличие от В. И. Козенковой, рассматривается как свидетельство социальной дифференциации смешанного общества на основе разделения труда, когда скифы являлись воинами, а кобанцы занимались производственной деятельностью. Наблюдался этнокультурный и социально-политический симбиоз, когда при очень сильном взаимодействии скифов и кобанцев население с единой материальной культурой и погребальным обрядом было представлено двумя антропологическими типами [20-23].

Идея о межэтническом симбиозе была поддержана Д. С. Равевским и М. Н. Погребовой, посчитавшими, что инкорпорация скифов в местую кобанскую среду вела к этническим изменениям. Результатом длительных связей кочевников и аборигенов в Центральном Предкавказье стал процесс формирования постоянного устойчивого компонента, этникоса, сочетавшего в себе как местные кавказские традиции, так и внешние по своему происхождению новации [24].

С. В. Махортых не исключал, что скифские воины брали себе жен из местного кавказского населения. Вместе с тем, происходили процессы оседания кочевников, смешения их с местным населением. Иногда эти процессы охватывали целые родоплеменные коллективы, и можно говорить о сложении этнических новообразований. Особое внимание обращается на появление кобанского варианта скифо-сибирского звериного стиля как одного из наиболее ярких примеров новообразования. В то же время роль ираноязычного этноса в сложении и оформлении кавказских народностей была хоть и заметна, но все же оставалась достаточно скромной [25-26].

С. Л. Дударев полагал [27-31], что союзнические отношения и совместное участие в военных предприятиях привели к этническому слиянию скифов и автохтонов в результате заключения браков между воинами-степняками и представительницами колхидо-кобанских и центрально-закавказских племен. В результате возникали образования смешанного скифо-кавказского происхождения, примером чему служит могильник Уллубаганалы 2. Такие группировки исследователь, как и В. Ю. Мурзин [32], определял как «левое крыло» собственно скифов. Одним из наиболее важных индикаторов процесса сложения скифо-кавказских этнообразований (предэтносы), возможно, являлась утрата степняками традиционных форм погребаль-

ной обрядности, прежде всего обряда захоронения в курганах, свидетельствующая о достаточно далеко зашедшей миксацией. На Северном Кавказе наблюдались этнические процессы двустороннего характера: с одной стороны, шло постепенное слияние некоторых автохтонных этноплеменных групп с номадами (памятники типа Урус-Мартановских курганных могильников), с другой стороны – растворение отдельных контингентов степного населения в кавказской среде (Уллубаганалы 2).

По мнению М. П. Абрамовой, после установления скифами политического господства над оседлыми племенами их культура сильно повлияла на местную. В то же время наблюдается различие в степени такого влияния. Материалы из предгорий оказываются ближе степным, чем горным. В горах сказывается большая замкнутость и консервация. В Центральном Предкавказье менее всего скифское влияние ощущается в Затеречье. На территории же современной Кабарды оно более ощутимо, а скифские памятники здесь наиболее яркие и проявляют близость с памятниками скифов Ставрополя. Оба этих района объединяет среди прочих признаков и своеобразие местной керамики. Обитание здесь скифов и установление их политического господства привело к распространению скифской культуры со стойкими признаками, в первую очередь, в особенностях погребального обряда.

После ухода основной части скифов эта культура распадается, хотя часть оседлого и кочевого населения остается. Из многих районов Северного Кавказа такая нестабильность характерна именно для этой территории, т. к. здесь проходил один из основных путей, по которым кочевники проникали в богатые земли Закавказья. В районе же Пятигорья отмечается своя специфика, объясняющаяся изолированностью данного района, стоящего в стороне от основного пути к перевалу Дарьял. В районе Кабардино-Пятигорья длительные контакты оседлого населения с кочевниками привели к сложению смешанной группы населения, значительно иранизированной. Со скифским влиянием связывается распространение катакомб у этого населения, хотя отмечается отсутствие таких погребальных сооружений у скифов Северного Кавказа. Скифская волна оказала непосредственное влияние на процесс иранизации местного населения, и с ней может быть связано формирование одного из диалектов осетинского языка [33-40]. Возможно, в русле данных построений

стояло и заключение Т. А. Габуева, что, возможно, ко времени зарождения катакомбного обряда иранский элемент доминировал на равнине и в предгорьях Центрального Кавказа [41].

Солидаризировался с положением о связи одного из диалектов осетинского языка с наследием скифов и В. А. Кузнецов. Исследователь полагает, что картографирование скифских памятников указывает на их компактное выдвигание в зону предгорий Центрального Кавказа и гораздо меньшее продвижение вглубь Северо-Западного Кавказа и Дагестана. Здесь в пределах Центрального Кавказа происходило взаимопроникновение двух различных по происхождению археологических культур и этносов в результате скифского завоевания. Это первый, наиболее ранний этап этноязыковой иранизации и начавшийся к его концу процесс этнической миксации. Важно, что этот процесс приурочивается к предгорной контактной зоне, в пределах которой в последующем иранизация будет продолжена, и которая станет колыбелью раннесредневековой аланской народности.

Значительная часть Прикубанья и северного Дагестана останется вне зоны распространения скифов. Здесь интенсивные процессы иранизации не шли, а этническое контактирование имело маргинальный характер. Адыго-абхазский и вайнахо-дагестанский этносы здесь не были втянуты в миксацию и ассимиляцию и сохранили свою древнюю этническую индивидуальность. И для горных районов Центрального Кавказа констатируется только маргинальное контактирование, отсутствие их заселения скифами [42-43].

В. Г. Петренко отмечает, что скифы, продвинувшись в Предкавказье, потеснили и частично покорили горские племена. Они принесли с собой более совершенные виды оружия и конской узды, которые заимствовали кобанцы. Длительные контакты отразились не только в материалах погребальных памятников, но и повлекли более глубокие влияния в области идеологии (культы, погребальный обряд). Факты включения вещей кобанской культуры в обиход скифского населения с учетом специфики предметов свидетельствуют об учете запросов заказчиков, выявляя новые аспекты взаимоотношений скифов и кобанцев [44]. В совместной работе с М. П. Абрамовой исследователи указывают на факт включения в состав позднекобанского населения потомков скифских племен, оказавших влияние на формирование этой культуры [45].

По мнению Б. М. Керефова, в плоскостной части современной Кабардино-Балкарии и Центрального Предкавказья процесс интеграции скифо-савроматов и позднекобанского населения находился на стадии завершения. В языковом отношении в среде этого фактически нового этнообразования, далеко уже не идентичного составляющим его компонентам, в значительной степени преобладающим, скорее всего, был иранский язык. Применительно к сарматской эпохе о местных племенах, по-видимому, можно говорить несколько условно как о субстрате «вторичного порядка». Исследователь, как и В. М. Батчаев, отмечал некорректность утверждения о том, что господство кочевников начиналось только к северу от Терека, и определения скифо-савроматского влияния в отношении 1:10, т. к. оно не учитывало дифференцированного подхода к памятникам предгорий и плоскости [46; 47].

В. С. Ольховский за резким сокращением скифских памятников на Северном Кавказе в течение V в. до н. э. усматривал либо миграцию скифов, либо этническую трансформацию путем слияния с местными группами населения и образование новой смешанной этнокультурной общности [48].

Литература

1. Крупнов Е. И. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа // Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953. С. 153, 158, 160-164.
2. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957. С. 147-152.
3. Крупнов Е. И. Проблема происхождения осетин по археологическим данным // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 33, 39-41.
4. Крупнов Е. И. Предисловие // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. 1961. Т. I. С. 9.
5. Марковин В. И., Мунчаев Р. М. Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 188-189.
6. Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII-IV вв. до н. э. М., 2006. С. 88-89.

7. Виноградов В. Б. Связи Центрального и Восточного Предкавказья со скифо-савроматским миром // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 182/
8. Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ... С. 93, 234, 291, 294.
9. Виноградов В. Б. Назревшие проблемы изучения роли плоскостной и степной зон и этнокультурной истории центральной части Северного Кавказа // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. 7.
10. Виноградов В. Б. Проблема «Скифия и Кавказ» после А. И. Тереножкина // Всесоюзный семинар «Киммерийцы и скифы», посвященный памяти А. И. Тереножкина. ТД. Кировоград, 1987. Ч. I. С. 35.
11. Наглер А. О., Гриднев В. В. Новые материалы эпохи раннего железа из Моздокского района СО АССР // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986. С. С. 67.
12. Козенкова В. И. Рецензия: В. Б. Виноградов. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII-IV вв. до н. э.). Грозный, 1972, 389 стр. // СА. 1974. № 2. С. 282.
13. Козенкова В. И. Большой Кавказ в XIV-IV вв. до н. э. (Кобанская культура: модель тысячелетнего развития): Науч. доклад ... докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1989. С. 48.
14. Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. В2-6. М., 1989. С. 17, 137.
15. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996. С. 32-33, 99, 143.
16. Козенкова В. И. Об уточненных границах кобанской культуры // XXIV Крупновские чтения. ТД. М., 2004. С. 99-100.
17. Козенкова В. И. О процессах пространственной подвижности границ ареала кобанской культуры // Проблемы современной археологии. М., 2008. С. 76-77.
18. Козенкова В. И., Багаев М. Х. О некоторых чертах сакральной воинской атрибуции в поздекобанской культуре // СА. 1991. № 4. С. 32-33.
19. Козенкова В. И., Сосранов Р. С., Черджиев Э. Л. К вопросу о межлокальных контактах в кобанской культуре (курбан

- у с. Садового в Северной Осетии) // Материалы по истории и археологии России. 1997. № 1. С. 17.
20. Ковалевская В. Б. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Известия АН Груз. ССР. 1985. № 3. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. С. 59.
 21. Ковалевская В. Б. Центральное Предкавказье в древности и раннем средневековье (кавказские племена и передвижения ираноязычных племен): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. 07.00.06. М., 1988. С. 5-6, 13-15, 32-33.
 22. Ковалевская В. Б. Археологическая культура – практика, теория, компьютер. М., 1995. С. 106-111.
 23. Ковалевская В. Б. Кавказ – скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э.-I тыс. н. э. Пушино, 2005. С. 64-65.
 24. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992. С. 186-188.
 25. Махортых С. В. Скифы на Кавказе в VII-V вв. до н. э.: Автореф. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Киев, 1987. С. 14, 17.
 26. Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991. С. 83-85, 100-101, 110-111.
 27. Дударев С. Л. К этнополитической истории Кавказа в эпоху киммерийско-скифских походов // Вторая региональная научно-практическая конференция «Археология и краеведение – вузу и школе». Грозный, 1985. С. 44.
 28. Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991. С. 100.
 29. Дударев С. Л. Доклад. Международный «круглый стол» «Ранние скифы и культура» // ВДИ. 1994. № 1. С. 72.
 30. Дударев С. Л. К проблеме взаимодействия племен Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, 1995. С. 59.
 31. Дударев С. Л. О характере скифо-кавказского этнокультурного взаимодействия в VII-VI вв. до н. э. // Некоторые вопросы культурных и этнических связей населения Северного Кавказа в эпоху поздней бронзы-раннего железа. Армавир, 1997. С. 27-28.
 32. Мурзин В. Ю. Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. Киев, 1990. С. 70-78.
 33. Абрамова М. П. Некоторые особенности культур горной и равнинной зон Центральных районов Северного Кавказа

- в I тыс. до н. э. – начале I тыс. н. э. // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотация). Тбилиси, 1984. С. 28-29.
34. Абрамова М. П. Роль сарматов в сложении культур Центрального Предкавказья // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 23-32.
 35. Абрамова М. П. О скифских традициях в культуре населения Центрального Предкавказья в IV-III вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии. М., 1990. С. 118-119.
 36. Абрамова М. П. Новые археологические материалы к вопросу этногенеза осетин // I Международная научная конференция «Осетиноведение: история и современность». ТД. Владикавказ, 1991. С. 4-6.
 37. Абрамова М. П. Взаимоотношения древнего населения Чечено-Ингушетии с ираноязычными кочевниками // Всесоюзная научная конференция «Проблемы происхождения нахских народов». ТД. Шатой, 1991. С. 12-13.
 38. Абрамова М. П. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // РА. 1992. № 2. С. 22-23.
 39. Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э.-IV в. н. э.). М., 1993. С. 97-98.
 40. Абрамова М. П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н. э. М., 1997. С. 137-138.
 41. Габуев Т. А. Классификация катакомб Центрального Предкавказья II в. до н. э.-VII в. н. э. // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 154.
 42. Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Материалы по истории и археологии России. 1997. № 1. С. 153-155.
 43. Кузнецов В. А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // Древности Северного Кавказа. М., 1999. С. 178.
 44. Петренко В. Г. Взаимоотношения горских и степных племен (по материалам скифской и кобанской культур) // Душетская научная конференция, посвященная проб-

- леме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (аннотация). Тбилиси, 1984. С. 107-108.
45. Абрамова М. П., Петренко В. Г. Погребения сарматского времени из Ставрополя // Памятники Евразии скифо-сарматского времени. М., 1995. С. 42.
 46. Керэфов Б. М. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988. С. 101-102.
 47. Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1985. Т. 2. С. 54.
 48. Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII-III вв. до н. э. М., 1994. С. 45.

Чибиров Л. А.

(г. Владикавказ, СОИГСИ им. В.И. Абаева)

АРЕАЛЬНЫЕ СВЯЗИ НАРТИАДЫ И ИХ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОКИ

Вопрос об этногенезе любого народа – один из сложнейших. Особенно проблематичным он является для бесписьменных народов. Этим народам при отсутствии нарративных источников на родном языке на помощь приходят в первую очередь данные языка и устное народное творчество. В качестве классического примера народа, ключом к этногенезу которого послужили язык и фольклор, являются осетины.

Разумеется, одних данных языка, несмотря даже на их преобладающее значение, недостаточно, чтобы решать проблему этногенеза осетин. Невозможно решить проблему и без привлечения данных фольклора, конкретно, нартовского эпоса.

Нартовский эпос – это художественная автобиография осетинского народа, его бесценное достояние. Одно то, что благодаря эпическим материалам мы, осетины, наконец, определились со своим происхождением в этом мире, дорогого стоит.

Трудно даже представить перспективы нашего этногенеза, если бы в XIX в., усилиями сперва иностранцев Клапрота и Пфафа, затем братьев Шанаевых и, наконец, В.Ф. Миллера не выявили и затем не стали собирать сказания с последующей публикацией их и научной обработкой.

Значение нартовского эпоса как источника по этногенезу осетин невероятно велико, ибо «героический эпос больше чем любой другой жанр фольклора связан с историческими судьбами народа. В этой связи уместно процитировать и Горького: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории» (Токазов).

Хотя нартовские сказания в основе своей базируются на древних мифах, в них, как подчеркивает В.И.Абаев, « с несомненностью присутствуют и древние мифы, и многообразные отражения исторической действительности(Абаев, 1980. С.3).

Вряд ли нартовский эпос сыграл бы такую определяющую роль в этногенезе осетинского народа, если бы он не был плотью и кровью осетинского народа, творческим наследием скифо-сармато-аланских племен.

Между тем происходящие в нартоведении баталии вокруг его первоначального ядра живо напоминают известную истину: в этом мире все идет по кругу, все повторяется.

Известная Зеленчукская надпись была прочитана крупными специалистами Миллером и Абаевым как аланская, выполненная на основе греческой графики. Это научное открытие в некоторых научных кругах соседних республик встретили в штыки, и начались постыдные квазинаучные споры. Первым с ревизией чтения Миллера и Абаева выступил экономист А.Ф. Кафоев, предложивший адыго-кабардинский вариант текста. Вслед за ним выступил М. Кудаев, прочитавший надпись по-балкарски. И, наконец, точку в этом постыдном перетягивании каната поставил чеченец Я.С. Вагапов, прочитавший ее по чеченски. В итоге один и тот же текст прочитан на четырех языках, принадлежавших к разным языковым семьям и группам языков. Богу угодно было появление на свет американского ученого, профессора языкознания и классической филологии Ладислава Згуста, который положит конец многолетнему спору, подтвердившему правоту мнения Миллера и Абаева (Памятники, 2013).

Буквально аналогичное творится и вокруг вопроса о первоначальном ядре нартовского эпоса. До середины 40-х годов прошлого столетия никто из ученых не сомневался в принадлежности эпоса к скифо-аланским племенам. Однако стоило появиться на свет превосходной работе В.И. Абаева «Нартовский эпос», как желание перетянуть веревку к себе раскололо ученых-нартоведов. В противовес концепции иранского ядра нартиады какие только «теории», гипотезы и предположения не выдвигались и выдвигаются. Выросло количество центров формирования нартиады. Сперва к скифо-аланскому прибавились адыгский и абхазский, а, отталкиваясь от крупновской теории древнейшего кавказского этнического единства ингушский нартовед Дахкильгов прибавил к ним еще карачаевско-балкарский, ингушский и чеченский (Дахкильгов, 2012. С.423-424).

Росло и количество претендентов на этнические приоритеты. Пионером в этом деле был Гадагатль, который стал упорно доказывать, что творцами эпоса были исключительно адыги (Гадагатль, 1967). Балкарец У. Байрамкулов же доказывает, что нартовские сказания возникли среди гуннов, прошли стадию развития при Атилле и окончательно сформировались при Хазарском каганате, что адыги и осетины получили свои версии после развала Золотой Орды от ассимилированных среди них тюрков (Байрамкулов, 2002. С.16). Не отстают в своих претензиях и ингушские нартоведы, которые устами Б.Газикова, без тени сомнения, декларируют: «Зародившись у предков ингушей и родственных им кавказцев (эпос-Л.Ч.) получил распространение на современные кавказские народы. В момент зарождения эпос принадлежал одному общему этносу (проингушскому)»(-Газиков, 2014).

В настоящее время противники скифо-аланского ядра формирования эпоса основной упор делают на кавказские истоки его возникновения. Суть его профессором Гутовым излагается следующим образом. В глубокой древности существовало общекавказское этноязыковое и этнокультурное единство, общность, кавказский субстрат, который был общим для всех носителей нартиады. А языковые различия по Гутову – «следствие инфильтрации в местную среду инородных мотивов, переднеазиатской, хаттской культуры и языка, позже – индоевропейской, то есть скифо – аланской, а еще позже тюрко-монгольской». При этом, оказывается, инородная культура «оказала такое мощное влияние, что появление представителей не исконно кавказских языковых анклавов существенно изменило языковую и этнокультурную картину Кавказа»(Гутов, 2012.С.12).

В основу этих теоретизированных обоснований Гутов берет слова выдающегося филолога В.Абаева о том, что в формировании осетинского этноса важную роль сыграл местный полеокавказский субстрат, высказанный им в 1949г. Между тем, во всех своих трудах по нартоведению до и после 1949 г., Абаев, не отрицая сказанное о полеокавказском субстрате, касательно нартовского эпоса постоянно утверждал о его скифо-аланских корнях, но Гутов эти места из работ Абаева оставляет без внимания. Кроме того, не могу судить о степени влияния на эпос хаттской и тюрко-монгольской культур. Что касается

скифо-аланской концепции, то, на наш взгляд, она оказала не мощное, как пишет автор, а решающее влияние на формирование нартовского эпоса.

Между тем сторонникам кавказских истоков эпоса весьма серьезно возражает нартовед М.Ч. Джуртубаев. В 19 пунктах заключения своего объемного фолианта «Происхождение нартского эпоса» он доказывает:

1. Гипотеза «субстратного» происхождения нартского эпоса не имеет никаких обоснований, как и предположения о возникновении его ядра в абхазской, адыгской или «абхазо-адыгской среде».

2. Нартский эпос является созданием киммеро-скифо-аланских племен, тюркоязычных предков карачаево-балкарцев, кумыков и осетин. Абхазами, адыгами и абазинами он был усвоен после нашествия Тамерлана через представителей аланского народа, подвергшихся ассимиляции» (Джуртубаев, 2013. С.795).

Вот такова картина вокруг вопроса о первоначальном ядре эпоса. Будем молиться Богу, что Всевышний подарит нам нового Ладислава Згуста, который расставит все точки и в этой постыдной возне.

Не выдерживает серьезной критики и датировка эпоса III-II тыс. до н.э., которую отстаивали абхазские коллеги Аншба, Инал-ипа, Салакая и осетинский философ Р.Кабисов и ингушский нартовед Дахкильгов? возводя ее к матриархату и каменному веку. Против неумеренного архаизирования эпоса выступал и Е.И.Крупнов. В действительности с трудом верится, чтобы в такое слишком отдаленное время имели место социальные предпосылки для зарождения героических фигур.

Противники скифо-аланского центра Нартиады усмотрели причину наибольшего распространения осетинских версии в высоком авторитете ученых, сторонников иранской версии ..

Во-первых, авторитет не выпрашивается и не покупается, а приходит к ученому за его бескорыстное служение подлинной науке. Во-вторых, среди этих высоких авторитетов преобладают люди некавказского происхождения, которые особых симпатий ни к одному из народов-носителей эпоса не проявляли. Дюмезиль в Осетии даже никогда не был. В-третьих, оппоненты скифо-аланского ядра эпоса обходят стороной неудобные им литературные источники. В их трудах игнорируются труды по нартоведению, в которых опровергается кавказское

происхождение эпоса, нет ссылок на фундаментальные труды по нартовскому эпосу, изданные зарубежными авторами. В частности, в перечне новейшей литературы по нартоведению А.М.Гутова, опубликованном в 2012 г., нет вышедшей 23 года назад на русском языке известной монографии Дюмезиля «Скифы и нарты (исключается, чтобы такой известный фольклорист не знал эту работу), нет ни одной из вышедших за последние десятилетия монографии и статьей зарубежных коллег по нартоведению (К. Литтлтон и Л. Малкор, Г. Рид, Ж. Грисвар, К. Вьель, Г. Шарашидзе, А. Кристолю и др.). Разве это не тенденциозный подход, и украшает ли он ученого?

Не делают чести нашим оппонентам легковесные заявления, будто Ж. Дюмезиль в последних работах «не так последовательно придерживается прежней точки зрения» (Гутов, 2010. С.98). Трудно верится в подобное утверждение, зато достоверны многократные упоминания в трудах Ж. Дюмезиля о принадлежности первоначального ядра эпоса предкам осетин. Более того, стали достоянием гласности далеко не научного характера поступки: например то, как Гадагатль упрашивал Дюмезиля отказаться от своих убеждений и поддержать адыгское происхождение эпоса. По поводу критики Гадагатля в свой адрес Дюмезиль шутливо замечал: «Я только что был строго проучен А.М. Гадагатлем» (Абаев, 1986. С.204). Будучи человеком высоконравственным, этот крупнейший нотовед не пошел на сделку с совестью и отстаивал идею, в которой он был основательно убежден.

В рецензии проф. В.К. Гарданова отрицаются иранские корни эпоса и отстаивается его кавказское происхождение. Одним из аргументов наибольшего богатства и распространения осетинской версии Валентин Константинович считал наибольшее внимание собирателей и ученых осетинским вариантам эпоса. В наши дни эту версию вновь оживил проф. А. Гутов, который считает одной из причин расхождению во взглядах на истоки нартоведения неравномерную изученность этнических версий. М. Гутов пишет: «Специалистов такого масштаба как Дюмезиль, способных заниматься другими национальными версиями до вт. пол. XX столетия не было в республиках Северного Кавказа, ни в крупных научных центрах. Это способствовало тому, что еще 30-40-е гг. XX в. осетинское нартоведение прочно заняло лидирующее положение» (Гутов, 2012. С.22). Странно, неужели

такому известному ученому–адыговеду не известно, что Дюмезиль в первую очередь считается крупнейшим специалистом не по иранскому не по осетинскому языку, а по адыгским языкам, их фольклору. Мог бы он перешагнуть через головы адыгов к осетинам, если бы адыгские версии эпоса были более заманчивы и богаты?. Можно сказать и больше: первыми к собиранию нартовских сказаний приступили в середине XIX века адыгские просветители в лице таких выдающихся деятелей, как Хан Гирей, Ногмов и Атажукин. Такого масштаба деятелей национальной культуры в Осетии тогда еще не было. Хотя первыми на осетинские версии эпоса натолкнулись иностранцы. Собирать их начали лишь с 70-х годов. И в последующем никто никого не ограничивал и никому не запрещал собирать национальные версии Нартиады.

Среди прочих претензий к Абаеву и Дюмезилю, будто они слишком увлекались ареальными связями, вместе того чтобы заняться углубленным сравнительным изучением нартовского эпоса у народов Кавказа, носителей эпоса, что они ищут сюжетные параллели и образные ассоциации эпоса в фольклоре римлян, греков, ирландцев, иранцев, монголов и т.д. Непонятно, почему исследование ареальных связей в нартоведении должно быть запретной темой. Научных аргументов здесь не видно, зато проглядывает другое: нежелательность их результатов для тех, кто против иранских корней эпоса.

Со времени подобных претензий прошло более полстолетия. Поиски кавказских корней эпоса продолжаются гораздо большими научными силами, однако до настоящего времени ничего такого не выявлено, чтобы кардинально меняло что-либо в нартоведении. Зато продолжение исследований ареальных связей, принесло внушительные результаты.

Ареальные связи нартиады имеют географический охват от далекой Индии через Иранское плоскогорье в Северо-Западную Европу и оттуда – на Северо-Восток Европы.

Анализ текстов эпоса выявил яркие параллели между мотивами и сюжетами нартовских сказаний и мифопоэтическим творчеством индоиранцев, скифо-сармат и алан.

Ученые провели поразительные параллели между нартом Сосланом и известным персонажем Ригvedы (древнеиндийских священных текстов) Бхригом о посещении ими царства мертвых. «Параллелизм этих двух божественных комедий

столь несомненен и история брахманов рассказана так по-народному, что напрашивается вопрос: не лежит ли в основе обоих одна старинная нравоучительная сказка, сохранившаяся в Индии и на Кавказе» (Дюмезиль.1990. С198). Зарубежный фольклорист К Вьель проводит параллель между тем же Сосланом, греческим (скифским) Гераклом и героем древнеиндийского эпоса Рама. Выявлены соответствия по 14 позициям, позволившие ученому заключить: «Своими основными характеристиками Сослан соответствует Гераклу и Раме». Заслуживают внимания сравнения: Батрадз и Индра; совпадает многое, особенно рождение и детство героев. По многим особенностям фольклористы проводят параллель между Индрой и Сырдоном.

Не менее существенны параллели нартовского эпоса и иранского «Шахнаме». Отец Рустама Заль родился от камня, как и нарт Сослан. Необыкновенное рождение Батрадза и Рустема(и последнего извлекли из утробы матери необыкновенным путем, с помощью ножа). Лук Сослана в Нартиаде соответствует Луку Рустама в Шахнаме. Много общего между верховным богом Ирана Ахриманом и нартом Сырдоном. Сравнительной характеристике Нартиады и Шахнаме посвящена специальная монография Э. Сатцаева (Сатцаев, 2008).

С Грецией скифский мир был теснейшим образом связан, взаимовлияние было широкое. Даже скифских богов Геродот передает в греческой номинации. Заслуживают внимания работа А.Кристоля, посвященная параллелям: Сырдон - Одиссей, а также вышеприведенное сопоставление Геракл - Рама - Сослан, которые более убедительно иллюстрируют иранские корни эпоса.

Весьма существенны параллели между нартовскими сказаниями и мифологическим наследием древних италиков. Классический пример, подтверждающий эти связи: близнецов культ Ромул – Рем и Ахсар – Ахсартаг. По словам В.И.Абаева, оба народа прошли тотемическую стадию, у тех и других тотемный культ волка(Абаев, 1949. С.504).

В целом бесспорны схожие явления нартовского эпоса с памятниками индо-иранского и античного миров.

Особенной интенсивностью отличаются связи нартовских сказаний и эпоса кельтов Франции и Англии. Перу французского фольклориста Ж.Грисвар принадлежит работа, в которой

проводятся поразительные параллели между нартовским эпосом и известной легендой о Короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. При этом сюжеты рождения, закалки, финал жизни, мистическая связь меча с хозяином, т.е. короля Артура и нарта Батрадза, практически один к одному, настолько они схожи и уникальны (это редкое явление в мировой фольклористике), и назвать их случайными ни под каким предлогом невозможно.

Много общего между Батрадзом и другим выдающимся героем артурианства – Ланселот его имя автор исследования переводит как алан из Лота – провинция, в которой жили аланы. Довольно удачны сравнения Говейн и Сослана – Созырыко, (оба героя одерживают победы, пока солнце в зените, оба совершают путешествие в загробный мир). С докладом на эту тему Грисвар выступил на прошлогоднем Международном конгрессе по этногенезу и этнической культуре осетин. Поразительны параллели между Уацамонга и Граалем, священным сосудом ради приближения к которому рыцари совершали подвиги. Немало убедительных параллелей между нартовским эпосом и артурианством в трудах Кардини, Рид, Литтлтон и Малкор, Никель. Последний считает все эти параллели – плодом влияния на кельтский фольклор эпического творчества сарматов и алан (Никель, 1975 С.67). В этой связи уместно процитировать и Литтлтон и Малкор: «Наши данные ясно указывают на то, что если не считать некоторые уникальные события, ядро будущей литературы об Артуре и Граале зародилось в степях Древней Скифии благодаря замечательному народу, чье влияние на историю и фольклор нам еще предстоит оценить по достоинству» (Литтлтон и Малкор, 2007. С.229).

Саги ирландцев и соседних им шотландцев однородны и мало отличны друг от друга. Весьма схожи параллели между нартом Сосланом и героем саг – Кухулиным. Отвергнутая дочь солнца мстит Сослану и приводит к гибели героя Колесом Балсага. Отвергнутая небожительница Мориген мстит Кухулину и околдовывает колесницу перед роковым для него боем. К обоим слетаются птицы, чтобы напиться их кровью, оба совершают путешествие в загробный мир. Существуют параллели и между Кухулиным и Батрадзом.

У скандинавов и исландцев по существу один эпос, одни саги, ибо заселение Исландии шло из Скандинавии начиная с IV в. Весьма схожи параллели между Сырдоном и одним из героев

скандинавских саг–Локи. Посвятив этой теме специальное исследование, Дюмезиль заключает: все черты Локи обнаружены в Сырдоне и все черты Сырдона–в Локи. Когда знакомишься с приключениями другого героя саг Брикриу, перед глазами встает Сырдон. Брикриу представлен в сагах как ядовитый человек со злым языком. Его сердце было полно яда. Когда порочные мысли тайно шевелились в его голове, красный прыщ на лбу увеличивался и становился толще человеческого кулака. Оба они–смутьяны, насмешники, забияки. Исследователь Баркова проводит параллель между Батрадзом и героем героической песни «Старшей Эдды» Гуннарор (Баркова, 2006. С.215–218).

Зарубежным исследователям удалось установить тройную связь через меч, брошенный в озеро, связывающий в единое целое персонажи трех эпических героев: Батрадз–Артур–Кухулин. Как правильно отмечает Грисвар, «Они включены в параллельные и идентичные системы, системы организации эпического мира, которые лежат в основе одновременно и Сказаний о нартах, и Цикла уладов, и Цикла Круглого Стола» (Грисвар, 2012. С.121). При этом ученый пришел к заключению, что ирландские саги, особенно саги об Уладах, древнее кельтских сказаний об Артуре, что ирландские саги формировались раньше артурианства и, следовательно, при своем формировании легенды о Короле Артуре испытали влияние как ирландского эпоса, так и осетинского (Там же. С.69). В самых же легендах об Артуре святой Грааль восходит не к кельтской мифологии и фольклору, как думают многие ученые, а заимствован из эпической традиции скифов и сарматов, другая линия развития которой привела к созданию нартовского эпоса (Литтлтон, Малкор, 2007. С.18). Довольно интересны эпические параллели между персонами нартиады и ирландскими сагами (Сырдон–Брикриу, Сатана–Мориган).

Ряд интересных совпадений обнаружен в образах богатырей русских былин и героев нартиады. Этим параллелям посвящена специальная монография Т.Тадевосяна (Тадевосян, 2013); поэтому на них не будем останавливаться.

Заметный след оставили в эпосе осетин контакты с тюрко-монгольскими племенами. Из монгольского и тюркского получают объяснение имена героев (Хамыц, Батрадз, Елтаган, Сайнаг–Алдар, Маргудз и др.).

Весьма интересны параллели с народами Поволжья.

Известным ученым, членом-корреспондентом РАН, проф. Удмуртского государственного университета В. Напольских выявлены параллели между нартовским эпосом и эпосом небольшого народа на севере Западной Сибири ханты-манси. По словам ученого, когда он работал над текстами, собранными в конце XIX в Б.Мункачи, он поразился, насколько тексты о божестве и герое мансийского эпоса Мирсус де хуме о начале его подвигов сходны с текстами нартского эпоса» (Кузьмин, 2012)

Однако эта не единственная параллель с народами Поволжья. О знакомстве предков пермских народов с нартовским эпосом свидетельствуют параллели сразу по четырем позициям, выявленные А.Иванеско при сопоставлении мотивов борьбы Сослана с Колесом Барсага и борьбы с чудовищным Колесом в эпосе коми-пармян.. Единственное расхождение в том, что сказания коми лишены некоторых архаических черт, присущих нартовским сказаниям.. Примечательно, что автором установлено отсутствие данного мотива в фольклоре родственных коми карело-финно-волжских народов (марийцы, мордва). На этом основании Иванеско считает ее сепаратной нартовско–пермской, что позволило ему заключить: образ боевой машины в фольклоре коми попал от скифо-сарматского эпоса (Иванеско, 2013 С.101-102).

Как видно из изложенного, параллели охватывают огромное географическое пространство от Индии до Скандинавии в хронологическом срезе: вторая половина II тыс. до н.э. – начала II тыс. н.э.

Каковы же исторические истоки этих параллелей?

Во втором тысячелетии до н.э. индоевропейские племена, жившие на обширной территории юга России, распались на две ветви. Одна часть их двинулась на восток, которая в свою очередь разделилась на две части–на индо-ариев, обосновавшихся в Индии, и иранцев, избравших житницей Иранское плоскогорье.. Ушедшие в Индию создали эпическое наследие (Рамаяна, Ригведа. Махарабхата), а в Иран–Авесту, Шахнаме.

Осетины и арийцы древней Индии и древние иранцы, как родственные народы, унаследовали общее в эпосе с тех времен, когда их предки жили еще вместе на юге России и составляли одну этническую общность. Только родством можно объяснить общность и параллели между нартовским эпосом и эпосом индоиранцев.

Многочисленны исторические параллели с греческим мифо-эпическим миром. В исторической ретроспективе в этом видятся теснейшие экономические и культурные связи скифов с греческими колониями на северо-востоке Черного моря и через них с метрополией. Симбиоз эллинов с местными ираноязычными племенами продолжался ряд столетий и достиг наивысшего развития в период расцвета Боспорского царства.

Что касается исторических корней схожести мотивов Нартиады и легенд древних италиков, то они достоверно установлены В.И.Абаевым: до середины II тыс. до н.э. древние италики жили на юге России и поддерживали тесные связи с соседними ираноязычными племенами; отсюда и фольклорные параллели (Абаев, 1965. С.120 и сл.).

Большой интерес представляют истоки общности нартовского эпоса и эпоса народов Северо-Западной Европы. То что степные иранцы имели громадное влияние на Европу и являлись продолжателями древней индоевропейской цивилизации подчеркивали многие исследователи (Литтлтон, Малкор, 2007. С.13). Согласно данным письменных источников археологических и фольклорных материалов отмечены связи предков осетин с кельтами, народами британских островов, Скандинавии, Исландии.

Контакты создателей эпосов происходили в разные исторические периоды и растянулись с начала I тыс. до н.э. вплоть до XIII-XIV вв.н.э., что сказалось и на возрасте самих эпических произведений. Истории известны морские походы кельтов в бассейны Средиземноморья, Черного и Азовского морей в V-IV вв. до н.э., установление связей (порою столкновений) со скифами, которые особенно участились после распада Великой Скифии в IVв. до н.э. В этот период на Балканах, по соседству со Скифией, возникла «Придунайская Кельтия» (-Советская, 1965. С.27,41), которая сыграла роль промежуточного звена в распространении влияния скифской культуры на другие кельтские племена (Грисвар, 2012, .75-76). Между скифами и кельтами установились длительные и непосредственные контакты, что не могло не иметь культурно-исторические последствия. В специальной статье Хохоровского исследуются имевшие место скифские набеги на территорию Средней Европы, что также не могло обойтись без культурного взаимовлияния (Хохоровская, 1994. С.49-61). Проникая в далекие

северные территории, древние иранцы вступали в контакты с иноязычными племенами (кельты, финно-угорские племена), последствием чего становились фольклорные параллели между носителями эпосов.

Следующие по времени контакты ираноязычных племен с народами Западной Европы имели место во II и V вв. н.э.

Проживавшее на Балканах сарматское племя - языги - было с римлянами в постоянных войнах, проходившие с переменным успехом. В 175 г. римляне взяли верх над языгами, и как победители увели в плен 8 тыс. тяжеловооруженных воинов, из которых 5,5 тыс. были отправлены в Британию для защиты северных рубежей империи от постоянных набегов горцев Шотландии.. Языги и их потомство остались в Британии, смешались с местными племенами, что имело следствием взаимовлияние культур..

Вторая волна иранских племен на территории нынешних Франции и Англии явилась следствием Великого переселения народов, в котором активное участие приняла значительная масса аланских племен. Аланы расселились, в том числе, на территории Франции, вступили в тесные контакты с местным кельтским населением, которое имело существенные культурные последствия. Новыми исследованиями ученых артуровская традиция была связана с той территорией современной Франции (Галлия, Арморика), на которой археологи раскопали сарматские и аланские поселения. (Литтлтон К. Малкор Л. 2007. С.19 и др.)

Аланы в Европе громко заговорили о себе даже через столетия их пребывания. Есть данные, что династия Стюартов в Англии ведет свое родословие с XI в. от главного управляющего королевского дворца Алана из Бретани (Кулумбеков, 2012 №25-26 С.17)

В своей книге Ф.Боденштедт (издана в 1848г.) связывает осетин с ирландцами, т.е. ира-ми. Спустя сто лет английский ученый Г.Бейли обнаружил немало сходных сюжетов в Нартиаде и ирландском средневековом эпосе, указал на соотношение понятия в осетинском и ирландском языках «нарт»-герой(осет.) и «нерт»-сила(ирл.) восходящее к аланам (Кулумбеков, 2012а. С.17), с пребыванием алан в Ирландии объяснял параллели между эпосом о нартах и ирландскими сагами. При этом эпические схождения нарты –улады настолько схожи, что заставили

задуматься Грисвара: «Схождения, выявляемые между нартами и уладами, в очередной раз продвигают нас к постановке проблемы: не свидетельствуют ли они о наличии общего наследия? (Грисвар, 2012. С.75).

До наших дней сохранился исторический документ, составленный шотландскими грандами в 1320 г., согласно которому древние шотландцы являются выходцами из Великой Скифии. Хотя в источнике фигурируют скифы, но, судя по времени переселения и маршруту следования, времени речь, вероятно, идет о проникновении в Шотландию аланских племен.

Согласно ирландским компиляциям (книга захватов) вторую волну пришельцев в Ирландию составляла раса Немеда, пришедшая «из одного из районов Скифии».. При этом, пришельцы не прерывали связи со Скифией.

Весьма заманчивы и корни эпических параллелей нартовского эпоса и скандинавских саг. В последнем своем исследовании «Один», Т.Хейердал предполагает, что не викинги пришли с севера на юг России, а наоборот, викинги в лице асов, предков современных осетин, пришли на север из юга России и имеют азово-кавказские корни. В 30-х годах XIX в. на это сходство первым обратил внимание и академик А.Шегрен. По его образному выражению, из первобытного жилища ясов (алан) «вышел Один с колонией асов и поселился в Древней Скандинавии (Шегрен, 1994. С.122). Подтверждает сказанное и название - города Асгард в Норвегии (гард по норвежски – город, т.е асский город)», в Средствах массовой информации появились материалы, озаглавленные: «Осетинские предки норвежцев (А и Ф, 2012, №50)

Выше мы говорили о параллелях нартовского эпоса с эпосом ханти-манси. К эти параллелям проф.Напольских подводит следующую историческую базу: «Значительная часть нартовского эпоса возникла еще в степях, когда предки осетин аланы обитали в степной части Евразии. Там контактировали на севере с манси. Затем эти сюжеты они принесли сюда (на Кавказ-Л.Ч.), и вошли в общий кавказский фонд, стали абхазскими и адыгейскими» (Кузьмин, 2012). Оказывается, мир гораздо более тесен, чем можно себе представить.

Весьма забавны истоки параллелей нартияды и эпоса-пермяков. После разделения финнско-угорского пранарода на отдельные самостоятельные языковые группы, в конце III тыс. до н.э. пропермяне жили в Прикамье еще примерно 1,5 тыс. лет,

сохраняя тесные экономические и культурные связи с ираноязычными племенами. Переселение предков коми из Прикамья на берега северных рек Вычегды и Выми началось в X-XI вв. (Иванеско, 2013. С.109-121)

Наличие в осетинском языке общих элементов с языками вотяков, зырян и пермяков отмечал еще в начале XIX в. Ю.Клапрот (Шегрен, 1994. С.121-122). Знакомство пермяцкого народа со скифами и сарматами подтверждается новыми филологическими изысканиями (Дзидзойты, 1992. С.29).

Как видно даже из беглого обзора, нити параллелей от нартовского эпоса уводят не только в эпический мир индо-иранцев и античности, но и на северо-запад и северо-восток Европы.

Эпические параллели—результат общего культурного наследия, межэтнических контактов и взаимовлияния племен друг на друга в историческом прошлом. Без непосредственных контактов носителей вышеприведенных эпосов культурно-исторические взаимовлияния нартиады с географически отдаленными от Кавказа территориями были практически невозможны.

Мифоэпические параллели нартиады с индоиранским миром являются следствием этнической общности индоиранского мира, к которому из народов Кавказа принадлежали предки осетин—скифо-аланские племена.

Из народов Северного Кавказа, носителей нартиады, с племенами северо-запада и северо-востока Европы (кельтами, финно-угорами) долгие периоды истории соседствовали и поддерживали историко-культурные взаимоотношения лишь скифо-сармато-аланские племена. Они проникали в далекие северо-западные и северо-восточные территории Европы, вступали в контакты с местными иноязычными племенами, результатом чего становились этнокультурные взаимовлияния. Вполне логично, что только через них проникли в указанные края элементы нартовского общества, и произошло частичное слияние с их эпосами, сохранив сюжетную канву.

Аналогичные передвижения и межэтнические историко-культурные контакты и взаимоотношения других носителей нартовского эпоса не зафиксировано историей.

Таким образом, окружающий Кавказ мир познакомился с нартовским эпосом через посредство скифо-аланских племен. При этом важно подчеркнуть, что распространителями эпоса

были не только аланы, ушедшие на запад из Кавказа, но и те скифо-сарматские племена Северного Причерноморья и юга России, которые контактировали с народами Европы, но не поддерживали историко-культурные связи с народами Северного Кавказа в древности.

Со всеми этими аргументами и мнением авторитетнейших нартоведов попросту не желают считаться сторонники кавказского центра формирования эпоса. «Попытки путем сравнительных исследований – продолжают они твердить устами А.Гутова – связать эпос о нартских богатырях с известными образцами словесной культуры народов, традиционно населяющих другие регионы евразийского пространства, несмотря ни на какие старания не получает достаточной доказательной базы, которая позволила бы со всей уверенностью доказать его привнесенный извне характер» (Гутов, 2012. С.11).

В подтверждении предвзятых суждений главным авторитетом для Гутова служит археолог Е.И.Крупнов, позиция которого в этом вопросе не убеждает ни научными аргументами, ни по человеческим измерениям. В энциклопедической статье, посвященной аланам, Крупнов считает алан оседлым народом, создавшим замечательный нартский героический эпос (подч. нами-Л.Ч.) и высокую культуру (Советская, 1961. С.330). А спустя два года он вовсе исключает предков осетин из числа народов – творцов эпоса и «со всей категоричностью» заявляет, что героический нартский эпос – это результат самобытного творчества сугубо местных кавказских племен, считая ими лишь создателей кобанской, прикубанской и колхидской культур, этнически родственных между собой (Крупнов, 1963. С.19; Крупнов, 1969. С.20). Непонятно, какие сенсационные научные открытия были сделаны в кавказской археологии (и, вообще, имеет ли археология прямое отношение к генезису нартиады?), чтобы так круто поменять свое мнение за двухлетний промежуток времени. И вообще, заслуживают ли внимания и доверия подобные перепады в науке, кем бы они ни были сделаны. Да и логики не видно в подобных суждениях. Имеется ли вразумительный ответ на вопрос: если эпос создали кавказское субстратное население, то почему у некоторых из них (вайнахи, дагестанцы, грузины – горцы) он лишь сохранился фрагментарно, у некоторых даже в полусказочном состо-

янии, а аланам, не субстратам, в наиболее полном и завершенном виде? Как при таком тенденциозном подходе прийти к консенсусу нартоведам, к которому проф. Гутов призывает в другом месте той же работы? Взгляды Е.И. Крупнова, как и В.К.Гарданова, В.И. Чичерова подвергнуты подробному критическому анализу в известной монографии Ю.С.Гаглойти «Некоторые вопросы историографии нартского эпоса», кстати нуждающиеся в переиздании.

Скифо-аланское ядро никогда не было замкнутым миром, непроницаемым для внешних влияний. Оно было открыто для взаимодействия и восприятия художественной культуры народов, с которыми ираноязычные носители нартиады имели контакты на протяжении своей долгой истории.

Вышеприведенные параллели лишь показательные и далеко не исчерпывающие; сравнительное изучение нартиады далеко от завершения. Продолжение изучения этих параллелей, привлечение к ним молодые исследовательские силы весьма заманчиво, ибо, как писал известный скифолог Е.Е.Кузьмина, «этнография и фольклор осетин являются важным источником для реконструкции скифской мифологии и выявления ее генетических связей с индоевропейской мифологической системой» (Кузьмина, 1985 .С.103)

Литература

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор, М.-Л., 1949
2. Абаев В.И. О работе В.А. Кузнецова Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа, Ордж., 1980г. // Нартский эпос, Ордж., 1980.
3. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке востока и запада. М., 1965
4. Абаев В.И. Блеск и нищета золотого тиснения (Рецензия)// ИЮОНИИ, вып.ХХХ. Тб., 1986
5. Абаев В.И. Избранные труды.Т.1,Вл., 1990.
6. Абаев В.И. О работе В.А.Кузнецова «Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа, Ордж., 1980 // Нартский эпос, Ордж., 1980.

7. Аргументы и факты. Газета, 2012, №50
8. Байрамкулов У. Об этимологии слова нарт и о генезисе эпоса нарты // Тезисы Всероссийско научной конференции. Магас, 2000.
9. Баркова А.М. Гуннар в змеином рву: исладско-осетинские параллели //Б.А.Алборов и проблемы кавказоведения Вл., 2006
10. Вьель Кристоф. Осетино–арийский героический мифоцикл // Эпос и мифология осетин и мировая культура Вл, 2012
11. Гаглойти Ю.С.Некоторые вопросы историографии нартского эпоса, Цх., 1977
12. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» и его генезис, Краснодар, 1967
13. Газиков Берснак Ингушские нарты или Некоторые «темные места»в нартском эпосе(часть11). Интернет Ghaloghay.com а 22:19
14. Грисвар Ж. Мотив меча, брошенного, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура, Вл., 2012
15. Гутов А.М. Народный эпос: традиции и современность, Нальчик, 2010.
16. Гутов А.М. Рубеж тысячелетий // Нартоведение в XXI в. Современные парадигмы и интерпретации Вл., 2012
17. Гутов А.М. Рубежи веков и эпос о нартах Нальчик, 2011 г.
18. Дахкильгов И.А. Ингушский нартский эпос, Нальчик, 2012
19. Джуртубаев М.Ч. Происхождение нартского эпоса, Нальчик, 2013.
20. Дзидзойты Ю.А.Нарты и их соседи, Вл., 1992
21. Иванеско А. Е. О первоначальной основе осетинского нартского эпоса // Этногенез и этническая история осетин. Материалы Международного конгресса. Вл., 2013
22. Кристоль Ален Сырдон и Одиссей // Эпос и мифология осетин и мировая культура, Вл., 2012
23. Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа, М.1969
24. Крупнов Е.И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность //Доклады делегации СССР на XXVI Международном конгрессе востоковедов, М., 1963

25. Кузьмин Денис Нарты и манси: эпические параллели (интернет, 31.07.2012 23:24)
26. Кузьмина Е.Е. Занавес поднимается // Знание-сила 1985, №3
27. Кулумбеков Р. П. Станут ли короли Англии потомками алан // Республика, 2012а. №25-26
28. Кулумбеков Р.П. Шотландские хроники потомков алан // Республика, №5-6, январь 2012
29. Кумахов М.А. Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос, М., 1985
30. Литтлтон К. Малкор Л. От Скифии до Камелота, Вл., 2007
31. Никель Ж. Кто были рыцари короля Артура // Об исторической основе сказаний об Артуре 1975
32. Матвеева Нарты на Украине // Дарьяль, 2012, №1
33. Памятники алано-осетинской письменности. Вл., 2013
34. Салакая Ш. Х. Абхазский народный героический эпос, Тб., 1966.
35. Сатцаев Э. Б. Нартский эпос и иранская поэма Шахнаме (Схожие сюжетные мотивы), Вл., 2008
36. Советская историческая энциклопедия, т.1, М., 1961
37. Советская историческая энциклопедия, т.7, М., 1965
38. Тадевосян Т.В. Семантические параллели фольклорных архетипов. Русские былины и осетинский нартский эпос, Вл., 2013
39. Хохоровская Я. Скифские набеги на территорию Средней Европы // Российская археология, 1994, №3
40. Шегрен А.М. Осетинские исследования Вл., 1994
41. Шукин М.Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий 111 в до н.э. в Восточную и Центральную Европу, СПб, 1994
42. Эпос и мифология осетин и мировая культура, Вл., 2012

Дзаттиаты Р. Г.
(г. Владикавказ, СОИГСИ им. В.И. Абаева)

ПОЯС ИЗ ЕДЫССКОГО МОГИЛЬНИКА

В ноябре 2013 года в Махачкале проводился международный научный семинар, посвященный раннегосударственным образованиям на Северном Кавказе, и так называемой, княжеской культуре периода конца античности и начала средневековья т.е. III-VI вв.

Этот период характеризуется процессом расслоения «варварских социумов, появляется прослойка профессиональных воинов. Кристаллизуется новая военизированная аристократия, священная на первых порах либо с могущественной федерацией гуннов и их подчиненных союзников, либо с военной системой поздней Римской империи» [1, 5]. [Возможно с последним и связано возникновение или появление престижных родовых номенклатурных обозначений *царазонта-цезаронта* или *агъуызатæ -авустонтæ* по Абаеву (Алгъузиани-Августуиани)].

Бесспорно, что аланские воинские дружины имели своих предводителей – выборных или наследственных. Вероятно, что погребения должны были чем-то выделяться и они, конечно же выделялись. Т.А.Габуев «княжеские» аланские курганы обнаруживает в Бруте и Беслане, [2, 13-14]. Д.С.Коробов считает, что в Кисловодской котловине в V-VII. в. формируется несколько центров власти [3, 25-27]. В.Б.Малашев, отмечая высокий экономический потенциал на территории, занятой аланами, говорит и о процессе урбанизации, что «позволяет ставить вопрос о наличии структуры и организации высокого порядка» [4, 27-28]. Об одном элитном погребении из кисловодской котловины сделал доклад С.Н.Савенко [5, 39-41]. На семинаре были заданы задачи определения

элитности или выделения «княжеских» погребений, их ареал, определение статуса и пр.

В нашем докладе мы опираемся на археологические памятники, раскопанные в Южной Осетии – в Едысе и Алеу.

Едысский раннесредневековый могильник раскапывался нами в 1981-84 гг. Было исследовано 14 могил с многократными захоронениями. Они различной степени насыщенности погребальным инвентарем. По ряду предметов все погребения датируются VI-VII вв. Это сасанидские монеты, керамические изделия, предметы украшены и одежды. Среди всех погребений выделяется погребения №12 (раскопки 1984 г.). Кости погребенных были перемешаны, черепа разрушены. Погребенных, судя по найденным предметам, было не менее трех. Есть вещи типично женские – серьги, бусы, привески, булавки – и предметы, сопровождавшие мужчин: поясной набор, малая пряжка от подколенный подвязки «зэнгбэтгæn», удила.

На особый статус погребенного указывает серебряная пряжка с поясным набором.

Поясная пряжка с В-образной рамкой и геральдическим щитком, на язычке пряжки – прямоугольный выступ. Такие пряжки (найлены и в Камунта) датируются VI-VII вв. (6, табл. XIX, 8). Не менее значимы и поясные накладки. Это не просто украшения (они таковыми стали в позднее время на кавказских наборных поясах), а своеобразные знаки доблести в военных предприятиях. Не случайно на них схематические изображения человеческого лица: глаза и нос – сравнить с осетинским *цасгом* из *цаст+ком* (Абаев. С.303). Вероятно, это наследие скифо-сраматской эпохи, когда знаком победы над врагом был его скальп или череп [8, 202]. Находка удила в этом погребении (единственная находка подобного типа на могильнике) сигнализирует о символическом посвящении коня, также престижном обряде при погребении знатного покойника.

Не менее значимыми оказались и украшения погребенной в этой же могиле женщины. Это замечательный набор стеклянных, хрустальных, халцедоновых, сердоликовых, янтарных и гранатовых бус. Всего 143 экземпляра. Найлены, кроме того, серебряные изделия – фибула, серьги, колечки, бронзовые булавки с гранатовыми головками, серебряная

пряжка женского пояса. И, наконец, – золотые предметы: привеска-медальон, головка булавки в виде полого шарика с «рожками», в которых вправлены гранаты, обоймица с сердоликом, серьга с имитацией виноградной грозди, незамкнутое колечко из проволоки круглого сечения.

Перечисленные предметы говорят об особом имущественном и, вероятно, социальном положении в обществе погребенных индивидуумов.

Примерно в то же время, когда были раскопаны погребения в Едысе, в другом юго-осетинском ущелье – в Ленингорском районе в местности Алеу археологической экспедицией государственного музея Грузии (руководитель Н.И.Апхазова) были раскопаны погребения в каменных ящиках и тоже VI-VII вв. Среди 57 погребений выделяется погребение №23. Это взрослый мужчина, руки сложены на животе, колени подогнуты. Череп удлиненный, возможно деформированный (сужу по фотографии). Кстати, на фотографиях других погребений видны деформированные черепа (кам.ящики №12,21,22), но автор не отмечает их в тексте. (9, табл. 16,18,22,27,33,37)). Но самое интересное – поясной набор, который сопровождал покойника. Это серебряные пряжка, накладки и наконечник пояса. Они совершенно аналогичны поясному набору из погребения №12 Едысского могильника. Сопадение это случайным быть не может. И вот почему. В известном «Памятнике Эриставов» второй абзац текста гласит: «В эти времена была великая смута в стране Осетской и обильно проливалась кровь царей осов. Оказались победителями сыновья старшего брата и перевели через гору Захскую детей младшего – Ростома, Бибилу, Цитлосана и сыновей их с семьюдесятью добрыми рабами и привели в страну Двалетскую» [10, 21]. Вероятнее всего «кровь обильно проливалась» за право владения страной. И борьба шла не между простыми претендентами, а между наследниками царя. Изгнанным оказалось потомство младшего «брата». Если это потомство, как явствует из хроники, было из рода Сидамоновых, то, по всей видимости, победителем оказался представитель рода Царазоновых. (Спрашивается, почему не Кусагоновых? Но у них по преданиям, была особая жреческо-правовая функ-

ция). Кроме того, главенство Царазоновых было видимо обеспечено и воинским преимуществом. Фраза «перевели через Захскую гору» несколько миролюбива, ибо Сидамоновских потомков скорее всего изгнали, да и то под угрозой уничтожения. (По-осетински это бы звучало так «ахизын сæ кодтой»). И следующий отрывок тоже звучит миролюбиво, нейтрально. «И привели в страну Двалетскую». Кто их «привел»? Разве проводниками у них были Царазонта? Нет, конечно. Это сами беглецы под давлением вражеских сил оказались «в стране Двалетской». Опять же по-осетински звучало бы так «æмæ сæ амидæг кодтой Туалгомы». Присмотревшись к тексту обнаруживается несуразность: оказывается, они уже до этого прошли Туалгом, перевалили Захъайы вцæг, прошли Сыбагом, (другого подходящего перевала нет), и затем оказались в Урстуалтæ. Составители текста почему-то только Урстуалта называют «страной Двалетской». Позднее будут называть этот регион «Магран Двалети) (Верхняя Двалетия). Маршрут бегства претендентов проясняется: они шли по Алагирскому ущелью, повернули у Зарамага на юго-восток к истокам реки Закка-дон, оттуда через Сыбайы æфцæг на юг и у с.Ханькаты кау повернули влево в Едысское урочище.

Изгнанников было более 70 человек: члены фамилии Сидамоновых и их «добрые рабы». Конечно, это были никакие не рабы, а воины-дружинники, личная гвардия клана Сидамоновых. Сколько же было братьев? Исследователи и переводчики насчитывали трех: Ростом, Бибил и Цитлосан. Но оказалось, что «Цитлосан» это не имя, а титул, означающий «порфиросносный». То что братьев было два, а не три говорит и фраза, сказанная двалами после того, как пришельцы укрепились на новом месте и аборигены усмотрели угрозу в их возвышении; «изгоним двуглавого змия из утробы нашей».

А как долго пробыли изгнанники на новом месте? Получается, что довольно много. Ибо стали «строить крепости и дома огромные, подобных которым не было в стране двалетской». Дома и крепости были построены, надо полагать, не скоро. Кстати, на Едысском городище нами отмечено около 70 остатков больших строений (3 из них были раскопаны: одно Б.В.Теховым и два нами – башню на вершине и жилой дом в нижней

части. Причем, основания домов внушительное – 10x10 м). За время пребывания в Едысе Сидамоновы хоронили и покойников – это как раз зафиксированные нами 14 погребений и целый ряд из них с многократными захоронениями. Так что двалы были обеспокоены не скоро.

Изгнанные теперь и двалами, сидамоновские отпрыски оказались в нынешнем Ленингорском районе и, приняв участие в междуущельной войне на стороне цхрадзмисхевцев, помогли им стать победителями. Надо полагать, что на Алеуском кладбище, раскопанным Н.И.Апхазова, покоятся имеено их останки. Возможно, что в Едысе умер или погиб один из братьев – Бибил и в погребении №12 именно его останки. Тем более, что в хронике событий, после изгнания их из «страны Двалетской» он уже не упоминается, а речь идет только о Ростоме. Предполагаем, что погребенный в каменном ящике №23 Алеуского некрополя – это и есть Ростом. О высоком воинском ранге этого покойника высказался и автор раскопок Н.И.Апхазава в резюме «Интересные результаты получены вследствие сопоставления данных каменного ящика №23, где похоронен молодой мужчина с боевым поясом, с подобными же материалами из других могильников Грузии и Восточной Европы. По нашим соображениям «воин» из погребения №23 принадлежит к тому сословию, из которого более высокие слои грузинского феодального общества периодически получали новое «пополнение» [9, 122]. Т.е. Н.И.Апхазава констатирует высокий социальный статус погребенного.

Итак, в VI-VII вв. в Осетии было царство или какое-то предгосударственное образование с тремя кланами.

Неудачных претендентов на трон изгнали из центра на плохо управляемые или еще не охваченные феодализацией территории. (Не могли же Сидамоновы оказаться за границей, на территории другого государства: их бы тут не только разгромили, но и подчинили).

Беженцы, а затем и их потомки, стремились сохранить свой статус потомков «царей», сохранив еще древнее фамильное название «сидамон» вместо с вновь приобретенной номенклатурой – «эристава», т.е. Сидамон-Эристави. И властвовать упорно хотели над двалами, причем чаще силой. Двалы же всегда и всячески сопротивлялись, сохраняя свое «демократическое» родовое-общинное устройство.

И самый главный вывод из наших материалов и рассуждений – древность осетинских аристократических родов, в частности Сидамонта, подтверждается на основе археологических материалов и это никак не позже VI-VII вв.

Литература

1. Мастыкова А.В. Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья//Раннегосударственные образования и «княжеская» культура на Северном Кавказе в конце античности – начале средневековья. Тезисы докладов Международного семинара. Махачкала 13-17 ноября 2013 г. Москва, 2013.
2. Габуев Т.А. «княжеские» аланские курганы на верхнем Тереке (Брут, Беслан)//Указ.сб.
3. Коробов Д.С. Аланские «вождческие» погребения и центры власти в кисловодской котловине//Указ.сб.
4. Малышев В.Ю. Аланская культура Северного Кавказа во II-IV вв. н.э.: проблема ранней государственности//Указ.сб.
5. Савенко С.Н. Еще одно захоронение представителя аланской социальной элиты начала раннего средневековья из кисловодской котловины (по архивным материалам А.П.Рунича) //Указ.сб.
6. Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки // САИ, Е1-2, М., 1979.
7. Абаев В.И. ИЭСОЯ. Т.1. М.-Л., 1958.
8. Геродот. История. Ленинград, 1972.
9. Апхазава Н.И. Могильник Квемо Алеви. Тбилиси, 1988 (на груз.яз).
10. Памятник Эриставов. Пер.иссл. и примечания С.С.Какабадзе. Тбилиси, 1979.
11. Апхазава Н.И. Воинское погребение из Квемо Алеви. Вестник Госмузея Грузии. XXXVIII в. Тбилиси, 1989.

Цуциев А. А.

(г. Владикавказ, СОГУ им. К. Л. Хетагурова)

САСАНИДСКИЕ МОНЕТЫ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ СЕВЕРА И ЮГА ОСЕТИИ *

Наиболее ранние из зафиксированных находок сасанидских драхм на территории Осетии происходят из могильника Чми-Суаргом в Дарьяльском ущелье, 36 катакомб которого были исследованы в 1882 г. Д.Я. Самоквасовым. Среди прочих находок на этом памятнике, в тот момент уже основательно раскопанном местным населением, обнаружены серебряные драхмы Сасанидов: в кат. №№12 и 23 – Хосрова I (531 – 579 гг.), одна из которых с нечеткой датой, вторая фальшивая, датированная 11 годом царствования (541 г.); Хосрова II (591 – 628 гг): 4 года правления (594 г.) в кат. №16, 5 или 8-го года правления (595 или 598 г.) в кат. №27, 15 года царствования (605 г.) в кат. №14 или №26, а также неопределенная фрагментированная драхма в кат. №14 или №26. В описании своих раскопок (Самоквасов, 1908. С.181-185) автор упоминает еще одну серебряную сасанидскую монету конца VIII в. из кат. №22, однако в сводной публикации находок сасанидских и куфических монет А.К. Марков ее не приводит, хотя ссылается на непосредственное сообщение Д.Я. Самоквасова (Марков, 1910. С.48). Возможно, при детальном рассмотрении она была определена как аббасидский дирхем VIII в., которых в катакомбах Чми было найдено 11 экз.

Следующая обстоятельная сводка находок сасанидских монет была сделана В.В. Кропоткиным. Он отмечает, что «работа

*Автор выражает искреннюю признательность Р.Г. Дзаттиаты, Э.Ю. Шестопаловой и З.П. Кадзаевой за любезно предоставленные материалы, а также форуму сайта исламской нумизматики «Расмир» <http://rasmir.com/FORUM/> за неоценимую помощь в определении публикуемых монет.

А.К. Маркова сильно устарела... Появилась настоятельная необходимость ввести в научный оборот новые сведения о находках сасанидских и куфических монет, которые не вошли в книгу А.К. Маркова» (Кропоткин, 1971. С.77). К уже известным находкам драхм с территории Осетии добавилась всего одна: в 1957 г. на одном из приусадебных участков в левобережной части г. Орджоникидзе (Владикавказ) найдена монета Хосрова I, датированная 4 годом правления (534 г.) и отчеканенная на монетном дворе AYLAN (Hulwan, Мидия) (Пахомов, 1966. С.26; Кропоткин, 1971. С.87).

Отмечу, что сводки А.К. Маркова, А.Е. Пахомова и В.В. Кропоткина не являются для территории Осетии исчерпывающими. В частности, П.С. Уварова сообщает о находке трех сасанидских драхм в могильнике Камунта, которые не учтены в названных работах. Это монеты Кавада I: 521 г., чеканенная в Си... и 525 г., чеканенная в Бите (П.С. Уварова ошибочно называет Кавада Фирузом), а также драхма Хосрова I 545 г., чеканенная в Ас... (Уварова, 1900. С. 324). Кроме того, в обобщающем труде по археологии Северной Осетии В.Б. Ковалевской и В.А. Кузнецовым упоминаются находки серебряной сасанидской монеты в могильнике Дунта и сасанидской монеты VI в. из Кобана (Ковалевская, Кузнецов, 2007. Сс.142-143). Более обстоятельного определения названных монет, видимо, не проводилось.

К настоящему моменту количество найденных на территории Осетии сасанидских драхм возросло. Они не введены в широкий научный оборот и практически не известны исследователям, что и послужило причиной появления данной публикации.

В 1978 г. Т.Б. Тургиевым была исследована раннесредневековая аланская катакомба могильника у с.Садон, где была найдена драхма Хосрова II, датированная 3 годом правления (594 г.), чеканенная в АНМ (Hamadan, Мидия) (рис.1). В последние годы раскопки этого памятника проводила З.П. Кадзаева. В 2001 г. при расчистке кат. №32 была обнаружена еще одна монета Хосрова II, вероятнее всего, 26 года царствования (616 г.), выпущенная в Фарсе (монетный двор YZ, Yazd) (рис.2).

Еще две сасанидские драхмы были найдены в 2003 г. Э.Ю. Шестопаловой в процессе раскопок Дагомского катакомбного могильника VI-VII вв. В кат. №2 найдена монета Хосрова I, отчеканенная в 44-й год правления (574 г.) на монетном дворе PL (Furat-i-Meshan, Южный Ирак) (рис.3). В кат. №4 монета того

же шахиншаха сопровождала довольно богатое мужское погребение. Драхма, чеканенная в Хузестане (монетный двор АУ, Eran-khvarrah-Shapur), датирована 20-м годом царствования (550 г.) (рис. 4).

Еще один аланский катакомбный могильник в горной части Осетии, расположенный близ с. Даргавс, исследуется с 1993 г. экспедицией под руководством Р.Г. Дзаттиаты. В 1994 г. при расчистке мужского погребения в кат. №13 была обнаружена сасанидская драхма. К сожалению, монета не была своевременно определена, а сейчас из-за затянувшихся строительных работ и консервации фондов в Национальном музее РСО-Алания, она оказалась недоступна. Мы приводим рисунок монеты из полевого отчета, выполненный Р.Г. Дзаттиаты (рис. 5). Имеющееся изображение не позволяет ее точно атрибутировать, он, вероятнее всего, она относится ко времени царствования Хосрова I (531 – 579 гг.) или Хормизда IV (579 – 590 гг.).

К находкам сасанидских монет на территории Северной Осетии необходимо добавить драхмы, найденные на территории Южной Осетии. Два экземпляра были обнаружены в погребении 7 Едысского могильника. Одна монета принадлежит Перозу I (457 – 484 гг.), предположительное место чеканки – AS (неустановленный монетный двор в Хузестане). Дата на монете отсутствует, но судя по короне «третьего типа», она чеканена между 474 и 484 гг. (рис. 6). Вторая монета из того же погребения – драхма Хосрова I, отчеканенная на 30-м году его правления (560 г.) на монетном дворе ART (Ardashir-Khurra) (рис. 7). В погребениях 8 и 14 Едысского могильника были обнаружены еще две фрагментированные сасанидские драхмы, не поддающиеся определению (Дзаттиаты, 2006. С.19, 22).

В 1987 г. в Знаурском районе Южной Осетии была случайно найдена драхма Йездигерда II (438 – 457 гг.) без даты, с надписью nwkū (Герат?) (рис. 8). В 1988 году во время раскопок могильника первых веков н.э. в местности Жакулта Дзауского района в выбро-се грунта была обнаружена монета Валкаша (484 – 488 гг.) без даты, чеканки монетного двора LD (Ray, Мидия) (рис. 9).

Публикуемые материалы являются очередным свидетельством тесных алано-сасанидских связей. Отсутствие отверстий на найденных сасанидских монетах позволяет видеть в них именно средство платежа, а не украшение или драгоценность, в отличие от византийских золотых монет, как правило, име-

ющих отверстия, свидетельствующие об их вторичном использовании. Отметим также, что абсолютное большинство находок сасанидских драхм (в тех случаях, когда это удастся точно установить) сопровождается мужские погребения.

Литература

1. Дзаттиаты Р.Г. Царциатские памятники: Едыское городище и могильники. Владикавказ, 2006.
2. Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А. Памятники эпохи раннего средневековья (IV – XIII вв.) // Археология Северной Осетии: сб. научных трудов. Часть 2. Владикавказ, 2007.
3. Кропоткин В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Вып. IX. М., 1971.
4. Марков А.К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.
5. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX. Баку, 1966.
6. Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей проф. Д.Я. Самокавасова. М., 1908.
7. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // атериалы по археологии Кавказа. Т. VIII. М., 1900.

Гаглойти Р. Х.
(г.Цхинвал, ЮОНИИ им. З.Н. Ванева)

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДМЕТАХ ГЛИПТИКИ ИЗ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЮЖНОЙ ОСЕТИИ(К КОРПУСУ ГЛИПТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ОСЕТИИ).

Среди археологического материала имеются предметы, относящиеся к группе великолепных изделий художественного ремесла – бронзовая пластика, ювелирные изделия из кости, керамика и т.п. Среди них немаловажное место занимают геммы (гемма – резной камень с художественным изображением, как выпуклым, так и углубленным, от латинского «*gemma*» – драгоценный камень), которые являются важным источником для изучения культуры и искусства на изучаемой территории.

Начала искусства глиптики, искусства резьбы на цветных минералах теряются в глуби веков. Глиптика была одним из древнейших ремесел, известных человеку [24], (Уже достаточно развитым она предстает на Востоке и в Эгейском мире в IV-III тыс. до н.э.).

Давно исчезли с лица земли прославленные дворцы и храмы античности, полностью утрачены картины живописцев, статуи прославленных ваятелей древности, а геммы предстают перед нами такими же, какими они тысячи лет назад вышли из рук древних мастеров [24].

Колыбелью этого искусства, как считают некоторые ученые, явилась Индия, оттуда она передалась в Среднюю и Переднюю Азию, Египет, Италию, Грецию и т.д. [12].

Мастерством резьбы поражают уже египетские, шумерские, аккадские, вавилонские, ассирийские геммы.

Возможно, находя естественно окатанные водой сверкающие камешки на берегу моря, в пойме реки или в расщелинах нор, люди на самой заре человечества обратили внимание на

их ни с чем несравнимую красоту, чистые, яркие тона, блеск и игру граней.

Позже начали использовать физические свойства камня, например, его твердость и прочность, причем в более поздние времена их стали ценить за редкость и долговечность.

Такие камни, еще не тронутые резьбой, могли служить украшениями, хотя уже к этому прибавилось и суеверное почитание этих необычных минералов.

Их оптические, электрические и магнитные свойства, замеченные древним человеком, породили веру в сверхъестественную силу камней. Так они сделались амулетами.

Для защиты от непогоды, голода и болезней люди призывали на помощь сверхъестественные силы, а в качестве амулетов, предохраняющих от зла, использовались красивые камни или кристаллы определенной формы и цветов.

В античное время мастера вырезали на камне сцены из мифологии, изображения богов и мифических героев, портреты правителей, победителей Олимпийских игр и других лиц.

Выбор камня подчинялся сюжету. Так, траурные геммы изготавливали из черных камней, на которых часто вырезали изображение Прозерпины, похищенную богом мира умерших Аидом: свадебные геммы делали из сердолика, часто с изображением Амура и Психеи – символа верной любви [12].

На создание одной геммы уходили годы непосильного труда. Не случайно крупный французский ученый Бабелон писал, что на одну гемму нужно столько времени, сколько для строительства целого собора.

Подобно тому, как это было и в римской глиптике, в изображениях гемм найденных на территории Южной Осетии, чаще всего встречаются образы божеств – Nike, Виктории, Фортуны, Геракла, Деметры и т.д.

Римская глиптика широко входит в быт местного населения, вероятно, со второй половины I в.н.э.

Во II веке число гемм вырастает, а в III веке уже падает, что связано со многими факторами, среди которых немаловажное значение имеет политическая ситуация, способствующая или развитию или упадку межгосударственных и межплеменных связей.

Конечно, в мирный период времени искусство, во всем ее многообразии, получило определенное развитие и расцвет,

именно тогда, вероятно, под влиянием местных условий, в глиптику все в большей степени проникают «варварские» элементы, что сказывается в огрублении техники, упрощенности форм и стиля, в трактовке сюжетов и т.п.

Именно, в первые века н.э. наблюдается в образах божеств нарастающий синкретизм, забвение первоначального значения, соединения атрибутов и деталей одежды отдельных божеств [16]. Происходит с одной стороны, слияние культов небесного бога Зевса, солярных и астральных, а с другой, - культов греческой Деметры, малоазиатской Кибелы, местной Великой богини [7].

На золотом или серебряном щитке кольца, вставленном в оправу камне гравировались изображения каких-либо символов в виде человеческой фигуры, животного или предмета, причем проблема социального заказа в искусстве решалась различно в тот или иной период античного общества [32]. Это касается и территории Южной Осетии.

Сюжеты античных гемм весьма разнообразны. В них нашли отражение буквально все стороны материальной и духовной жизни античного мира: политика, религия, литература, театр, быт. Иногда геммы являются единственным источником знакомства с жизнью древнего мира, причем во всей ее многообразной сущности, в том числе даже, казалось бы, имеющей отдаленное отношение к определенным категориям украшений, предметам одежды. С классических времен одежда и украшения дополняли друг друга, как красота и гармония, образуя единое совершенное целое. Это было известно уже Гомеру [9].

Одежда по своему происхождению вызывается к жизни утилитарными и этическими потребностями, но когда она развивается в художественном плане, то становится средством, раскрывающим характер поведения и статуса личности, общественных отношений, их осознания. К костюму - в художественности которого переплетаются формы и цвета, прозрачность тканей и их узоры, мягкость и бархатистость поверхности - следует, естественно добавить украшения и драгоценности, причем магическое происхождение этих вещей превращает их в конденсат сложных значений, с трудом поддающихся анализу [6].

В зависимости от изображения геммы играли роль не только эмблемы отдельной личности, но и по бытовавшему поверью, считалось, что они влияют на судьбу их владельца, им припи-

сывалась магическая сила. Именно на этом была, вероятно, основана их популярность среди всех социальных слоев.

Геммы и камеи украшали не только перстни, но и серьги, медальоны, браслеты, декоративные сосуды.

В геммах античной Греции, Египта эпохи эллинизма и Древнего Рима блестящим образом сочетаются естественная красота камня и виртуозность резьбы. Искусство глиптики достигает такого уровня, что его можно смело считать своеобразным зеркалом духовной культуры и быта древности [11].

Так, население Египта и Месопотамии не знало замков и ключей и во всех случаях пользовалось печатями. Печати накладывались не только на письма, официальные и частные документы, но и на ларцы с имуществом, сосуды со съестными продуктами, амфоры с вином и маслом, на внешние и внутренние двери домов.

В более позднее время древние греки и римляне уже были знакомы с замками и ключами, тем не менее, обычай наложения печатей у них сохранился, но т.к. и в те времена бывали случаи нарушения права личной собственности, в свод законов Солона вошло запрещение резчикам оставлять у себя отпечатки с вырезанных ими печатей – мера, направленная на устранение подделок и злоупотреблений печатями [10; 20].

Судя по археологическим данным население проживавшее на нынешней территории Южной Осетии уже во втором тысячелетии до н.э. было знакомо с печатями и, несомненно, употребляло их с определенной функцией [29], причем применение и распространение печатей, которые стали знаками собственности для всех слоев населения, распространяется на длинный промежуток времени, а именно с XIV в. до н.э. по XIX в.н.э.

Начало производства металлических перстней – печатей со щитками, безусловно, можно связать с проникновением в Закавказье позднеархаических и раннеклассических греческих цельнометаллических перстней с резными изображениями на щитках.

Уже в раннеантичную эпоху, на плоских щитках золотых, серебряных и бронзовых перстней, изображались божества и их атрибуты, что говорит о назначении этих предметов: не только как категории украшений, но и как предметы утилитарного назначения – печати. Таким образом, перстни-печати являлись в то же время инсигниями, знаками власти [19].

С VI в. до н.э. по III в. до н.э. местное население начинает широко применять новый вид печатей, перстень-печать, а начиная с I в.н.э. сюда большим потоком поступают резные камни, вправленные в перстни и украшения.

Ксенофонт сообщает, что население проживающее в начале III в. до н.э. в верховьях р.Чороха, неохотно принимало чеканные монеты (персидские дарики), предпочитая им перстни [18].

В позднеантичное время на территории Южной Осетии широко распространяются греко-римские камни – интальо и камеи, которые обычно украшают перстни, реже – браслеты, ожерелья, пояса и т.д., причем на геммах большей частью изображались греческие и римские божества, есть портретные геммы.

В основе первоначального использования печатей в качестве клейма, знака собственности, коллективной или индивидуальной, как полагают, лежало своего рода табу, которое и обеспечивало неприкосновенность данного предмета. Они служили как бы защитой при жизни, а после смерти должны были способствовать благополучию [14]. Если в более отдаленные времена печати изготавливались из стойких материалов (камень, слоновая кость, фаянс), то уже ближе к нам, печати, предназначенные для ежедневного пользования, могли быть даже деревянными. О чем свидетельствует химический анализ отдельных оттисков.

Большое применение должна была иметь и бронза. Все это было связано с тем, что покойного(ую) надо было снабдить всеми необходимыми вещами навечно, следовательно, применять для их изготовления лишь неразрушающиеся (как считалось) материалы [14].

Важное значение имел и рисунок на печатях. Если в древности на «печатях» был представлен узор в виде линии, точек, рыб, животных и фигурок людей, то в античное же время перед нами уже совершенно другой религиозно-синкретический пантеон изображений, в том числе тех животных, которые носили значение культовых животных. К таким мы относим и изображение оленя на бронзовой треугольной печати из могильника Монастер.

У многих индоевропейских народов существуют мифы, в которых образ оленя был воплощением небесного, чаще солнечного божества. В верованиях индоевропейцев многие божества

предстают в образах животных, которые символизировали различные природные стихии. Это нашло впоследствии отражение и в основных религиях [15].

Данные изучения рисунков на камнях свидетельствуют о том, что образ оленя был символом солнечного божества [4]. По мнению известного ученого-ираниста В.И. Абаева, представление о солнце как об огненном олене, отмеченное в русском фольклоре, не без основания объясняется как скифское наследие [15].

В скандинавских народных верованиях олень – сын Солнца [26].

В эпосе осетин о нартах, в котором многие авторы находят следы представителей скифского времени, очень часто упоминаются олени, причем это излюбленный объект охоты героев-нартов [27]. Оленем был в представлениях осетин бог охоты Афсати, которого изображали стариком с головой, украшенной рогами оленя [30; 2].

Охота на оленей имела и ритуальное значение. Древние осетинские святилища были переполнены черепами и рогами оленей [21].

Олень мог быть божеством, атрибутом божеств, олицетворять различные их ипостаси [15].

Олень, как и многие другие животные, был с древнейших времен предметом культа, причем еще большее значение он приобрел с появлением на исторической арене скифов (VIII в. до н.э.), у которых олень становится тотемом части скифских племен и которых персидский царь Дарий I называет саками. Это название, по мнению В.И.Абаева, сближается с осетинским саг - олень и указывает на то, что часть скифов именовала себя по имени своего тотемного животного [1].

Древние мастера Кавказа на бронзовых и других изделиях изображали графически или передавали образ животного в виде статуэтки, которые имели не только тотемное значение, но и являлись объектом охоты. Олень в этом отношении не составляет исключения. Его изображения вызывают интерес еще с эпохи бронзы, поскольку они являются не только прекрасными произведениями искусства, но и ценным источником для изучения культовых ритуалов и верований древних жителей [13].

Монашескую печать можно отнести к печатям общего назначения, которые хранились у доверенного человека из зажиточных лиц. Как известно, печати имели в древнем мире широ-

кое применение, причем они служили не только для скрепления как официальных, так и частных документов, но и заменяли в некоторых случаях мало распространенные замки и запоры.

В быту печать поэтому была необходимой принадлежностью каждого человека, обладавшего известным достатком. Она служила своего рода гарантией неприкосновенности права собственности на личное или общественное имущество.

Примерно о таком использовании печати в частной и деловой жизни народов древнего востока свидетельствуют многочисленные клинописные таблички с оттисками печати, а также другие вещественные памятники и письменные источники [22].

Помимо этого в Центральном Закавказье представлены также греческие мифологические сюжеты и распространенные в античном мире идиллические сцены, причем наличие импортных резных камней и факты ввоза сырья для изготовления гемм указывает на определенные культурные и торговые связи населения Центрального Закавказья с античным миром, Передней Азией, Парфией и сасанидским Ираном.

Введение чужеземного культа должно было исходить от самых подвижных, пользовавшихся наибольшей самостоятельностью слоев населения – купцов-мореплавателей, торговцев, солдат-наемников. Именно эти предприимчивые и смелые люди, находившиеся в постоянных сношениях с самыми разными, нередко враждовавшими между собой государствами, нуждались в покровительстве заморских властителей и богов [23]. Это обстоятельство имеет немаловажное значение, т.к. в жизни населения изучаемой территории, так же как и в развитом античном обществе, перстни-инталы и геммы в преобладающем большинстве служили печатями, о чем свидетельствуют неоднократно находимые глиняные оттиски от печатей.

В Южной Осетии такие оттиски были обнаружены у сс. Велура, Монастер и Чъех, причем, что интересно, во всех случаях были обнаружены оттиски с изображениями мелкого рогатого животного (предположительно козы).

Оттиск печати подтверждал принадлежность данной вещи определенному владельцу:

Она накидывает на меня петлю из своих волос,
Она притягивает меня своими глазами,
Она опутывает меня своими ожерельями,
Она ставит на мне клеймо своим перстнем.

Это четверостишие начертано на папирусе в XIV в. до н.э. [4]. Считается, что в древности у многих народов Востока изображения козлов, коней и орлов наделялись солярной символикой [31]. Точечные знаки отмечающие изображения одного из таких животных, вероятно, подчеркивали исходящее от них сияние, их приобщенность к солнцу, причем такая общность изобразительной манеры скорее всего отражает определенную общность мировоззренческих представлений связанных с поклонением солнцу, с солярным и астральным культами [17].

Для понимания значения печатей-амулетов существенную роль, вероятно, должны играть условия их обнаружения: почти все они найдены в погребениях женщин. Интересно привлечь и аналогичные явления из более отдаленных культурных регионов. Так, в погребениях женщин, обнаруженных в памятниках эпохи бронзы юга Узбекистана, найдены печати-амулеты и бусы с изображениями [3]. Аналогичная картина наблюдается в иранском Шахри Сохта [33].

Это обстоятельство определяет связь печатей такого рода, с культом плодородия, продолжением рода и сохранением потомства.

Часто инталы, служившие для вставок в перстни, играли роль печатей. Так, Октавиан Август имел на печати изображение сфинкса, затем Александра Македонского (голову), а потом изображение самого себя. У Пирра, был перстень с изображением Апполона с лирой среди девяти муз. У Помпея – три его победы в Европе, Азии, Африке. У Юлия Цезаря был перстень с изображением Венеры вооруженной (*Venus armata*) и т.д.

Римляне питали особую страсть к подобным украшениям, они имели перстни для каждой недели, носили их на каждом пальце руки и даже на суставах [12].

Интересно в связи с этим, проследить как же относилось население Южной Осетии к этому виду украшения.

Прослеживается, что мода на перстни не обошла стороной и Центральный Кавказ, причем судя по находкам перстней *in situ* в погребениях позднеантичного времени на территории Южной Осетии, женщины (в особенности, социальная прослойка более высокого ранга) были, вероятно, осведомлены, что и как носили представительницы женского пола, в тех или иных культурных регионах. Об этом свидетельствуют, например, находка в одном из погребений (погр. №6) Монастерского могильника. 6 пер-

стней (3 – с геммами), обнаруженных на пальцах правой и левой руки, по две штуки на пальцах фибулы итальянского производства типа «AVCISSA», бус из египетского фаянса, а также ожерелья из Александрии и Северного Причерноморья и т.д.

Большинство обнаруженных в могильниках античного времени на территории Южной Осетии перстней с резными камнями или вставками из стекла сделаны из бронзы, хотя имеются экземпляры как из железа и серебра, так и золота и стекла (по одному экз.). Массовое распространение античных гемм в небогатых погребениях указывает, что влияние античных традиций проникло в средние и низшие слои населения.

Характерным типом для могильников Южной Осетии, античного периода является перстень с узкой в сечении дужкой и тонким узким, овальным щитком для прикрепления вставки-глазка, преимущественно сегментовидной формы, в большинстве, с оранжевым оттенком.

Перстни имеют кольца различного сечения и диаметра.

Отдельный тип составляют перстни с кольцом, немного расширяющимся у плоского овального или немного углубленного щитка со вставками из пасты, стекла или камня.

Особое место, среди перстней с геммами из Южной Осетии, о которых говорилось выше, занимают геммы с изображениями, как человеческих фигур, так и различных животных. И те и другие связаны с различными божествами или понятиями, причем они носят характер как отдельных портретных изображений (Аркнетский могильник – 4 экз., Сохтинский могильник – 1 экз., Монастерский могильник -2 экз.), так и сюжетных композиций (Монастерский могильник – 4 экз., Аркнетский могильник -1 экз.). На описываемых перстнях имеются различные изображения: изображение женской фигурки, держащей левой рукой лошадь за уздцы, изображение человеческой фигурки на вставшей на дыбы лошади, изображение мужской обнаженной фигуры с протянутой вперед правой рукой, держащей палицу, изображение человеческой фигуры немного наклоненной вперед и опущенной вниз правой рукой, и т.д.

Перстни, о которых идет речь можно подразделить на несколько типов, использовавшиеся не только как украшения, но и как амулеты и личные печати. Стили изображений различны – от пластично-реалистического до сухого, графического. Среди перстней, обнаруженных в позднеантичных могильни-

ках Южной Осетии, наряду с местными дешевыми, несомненно, были и привозные, дорогостоящие, причем мода на резные камни среди жителей изучаемого региона была обусловлена вкусами и религиозными представлениями.

Для более ясного представления о предметах глиптики из Южной Осетии мы предлагаем типологию, составленную на основе характерных портретных, и сюжетных изображений.

Портреты:

С территории Южной Осетии мы имеем определенное количество гемм с характерными сюжетными изображениями – одна из девяти муз дочерей Зевса и Мнемосины – покровителей певцов и музыкантов, наставниц и утешительниц людей славящие добрые нравы богов, пастух Фаустус и волчица кормящая Ромула и Рема, пантеистическое божество с атрибутами Nike, Фортуны и Афины, изображение Геракла, борющегося с немейским львом, Гермес с керикиеем или Силен с тирсом, изображение женской фигуры одетой в легкую одежду, занимающейся сучиванием волокон с помощью веретен и пряслиц, изображение Козерога, изображение Кентавра, изображение женской фигуры с лошадью, изображение всадника, изображение рыбы и т.д.

И в заключение хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу значимости, по выражению Гете «чистейших источников эстетического наслаждения», древних гемм.

Уже в древнем мире геммы завоевали любовь как произведения искусства. Глиптике покровительствовали многие эллинистические цари. Так, только знаменитому Пирголему, придворному резчику Александра Македонского, доверялось вырезать на камне портреты своего покровителя. У понтийского царя Митридата VI Евпатора, который, кстати, был связан родством и общностью интересов с династиями скифо-сарматов [23] была богатая дактилиотека (коллекция гемм), впоследствии захваченная римским полководцем Помпеем [20]. Таких примеров много.

Последний расцвет глиптики в античном мире происходил под римским владычеством. Большинство мастеров работавших в это время, как в Риме, так и в других местах, были греки. Римская глиптика носит ретроспективный характер. Мастера в своих работах подражали различным стилям предыдущих эпох, достигая порой высокого художественного совершенства.

Во второй половине I в.н.э. глиптика постепенно приходит в упадок. Только портреты продолжают еще вырезаться тщательно и с любовью, что хорошо иллюстрируется в материалах с территории Южной Осетии.

Большинство римских инталей предназначены для вставки в перстни. Материал разнообразен, хотя в большой моде, на Востоке Римской Империи был гранат.

Античные геммы прекрасны не только как произведения искусства, но и служат важным источником знаний о древнем мире и его культуре. Во всей полноте отражена многообразная жизнь античного общества: сцены войны и охоты, богатый и нищий, грек и варвар, атлет и актер, изображения диких животных и домашних зверей, птиц. Особое место отводилось портретам государственных деятелей, богов (особенно Афродиты, Ники, Эрота, Гермеса – которых люди считали своими покровителями). С геммами было связано немало суеверий, что особенно сильно проявилось в произведениях глиптики последних веков Римской империи, когда языческая религия сменялась христианством [20].

Важная роль отводилась геммам и в жизни народов Востока. Арабские и персидские историки и поэты, описывая обычаи сасанидского двора в Иране, сообщают о том, что при утверждении в любой должности – гражданской, военной или жреческой – сасанидский шахиншах жаловал своему придворному инсигнии (регалии) будущей его власти: шапку (кулух), пояс (камар), и перстень с печатью (мухур).

Считалось, что цветные камни и самоцветы, вставленные в перстни, обладали мистической силой, могли влиять на судьбу людей, их случайное повреждение или потеря цвета истолковывались как дурное предзнаменование [8]. Примеров, удостоверяющих выше приведенное мнение, множество, но хотелось бы привести один из них, наиболее, на наш взгляд, характерный.

Перед тем, как А.С.Пушкина сослали в Михайловское, графиня Е.К.Воронцова подарила ему на память перстень с сердоликом (по другим сведениям - бирюза), испещренный какими-то кабалистическими знаками. А.С.Пушкин очень любил этот перстень и запечатывал им многие письма. Перстень он носил на большом пальце и верил, что без него ослабевает поэтический гений [20]. На смертном одре А.С.Пушкин передал талисман поэту В.А.Жуковскому, затем перстень перешел к сы-

ну В.А. Жуковского, а позже был подарен И.С.Тургеневу. Ныне перстень А.С. Пушкина хранится в Москве, в музее А.С.Пушкина.

Таковы, вкратце, некоторые данные об одно из излюбленных украшений древности, связанные не только с эстетической, но и с религиозной и практической сторонами жизни древнего населения, в том числе и проживавшего на территории Южной Осетии.

Литература

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.; - Л., 1949. С.37.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь, т.3, - Ленинград, 1979.
3. Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Ташкент, 1977. С.42.
4. Ахметов С.Ф. Беседы о геммологии. – М., 1989. С.120.
5. Баландин Р.К., Бондарев Л.Г. Природа и цивилизация. – М., 1988. С.17.
6. Банфи А. Философия искусства. – М., 1989. С.112-113.
7. Блаватский В.Д. Пантикапей. – М., 1964. С.196.
8. Борисов А.Я., Луконин В.Г. Сасанидские геммы. – Ленинград, 1963. С.9.
9. Вардиман Э. Мода в древности // Журнал «Наука и жизнь», №1, - М., 1988. С.64.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изучениях знаменитых философов. – М. С.80.
11. Дмитрова-Милчева А. Античные геммы и камеи в Болгарии. // Журнал «Болгария» №4. – М., 1987. С.19.
12. Кибальчич Т.В. Каталог гемм, драгоценных резных камней, собранных преимущественно в Южной России. – Киев, 1806. С.2.
13. Есаян С.А., Мнацаканян А.О. Находки новых бронзовых статуэток в Армении. // СА, I, - М., 1970. С.157
14. Кинк Х.А. Художественное ремесло Древнейшего Египта и сопредельных стран. – М., 1976. С.54.

15. Килуновская М.Е. Интерпретация образа оленя в скифо-сибирском искусстве (По материалам иероглифов и оленних камней). //Сб.: Скифо-сибирский мир. – Новосибирск, 1987. С. 103.
16. Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н.э. – М., 1978. С.7.
17. Котович В.М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности. // С.: - Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. – М., 1983. С.7.
18. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. – СПб, 1983. С.74.
19. Лордкипанидзе М.Н. Корпус памятников глиптики древней Грузии. I. – Тбилиси, 1969. С.150.
20. Лебединский В.И., Кириченко Л.П. Книга о камне. – М., 1989. С.83.
21. Магометов М.Н. Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе, 1968. С.112-113.
22. Максимова М.Н. Геммы из Некрополя Мцхета – Самтавро. // ВГМГ-XXI-В. – Тбилиси, 1963. С.236-239.
23. Неверов О.Я. Группа эллинистических бронзовых перстней в собрании Эрмитажа (к вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье). // ВДИ, №1. – М., 1974. С.113.
24. Неверов О.Я. Геммы античного мира. – М., 1983. С.5.
25. Неверов О.Я. Портрет в Римской глиптике I в. до н.э.- I в.н.э. и его роль в формировании и утверждении идеологии принципата. Автор на соискание канд.диссерт. – Ленинград, 1989. С.4-5.
26. Платонов М. П. Прошлое русского Севера. – Петербург, 1923. С.14.
27. Сказание о нартах (осетинский эпос). Перевод В.И.Абаева. – М., 1978.
28. Соломоник Э.Н. Религиозная жизнь в северопонтийских городах. ВДИ, №1. – М., 1973. С.56.
29. Техов Б.В. О двух глиняных штампах-пинтадерах из Юго-Осетии // ИЮОНИИ, вып.ХХI. – Цхинвал, 1977. С.3-10.

30. Хетагуров К.Л. Афсати (Ирон Фæндыр). – М., 1951.
31. Членова Н.Л. О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху. // Доклады и сообщения археологов СССР на XII Международном конгрессе доисториков и протоисториков. – М., 1966. С.198-200.
32. Чубова А.П., Конокова Г.И., Давыдова Л.И. Античные мастера. – Ленинград, 1986. С.17-18.
33. Parrot N. Les representations de l'arbre sacré sur les monuments de Mésopotamie d'Élam. – P., 1937.

Сведения об авторах

- 1. Гаглойти Юрий Сергеевич** - кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Осетии и кавказоведения Юго-Осетинского государственного университета им. А.А. Тибилова, Заслуженный деятель науки РЮО
- 2. Туаллагов Алан Ахсарович** - доктор исторических наук, заведующий Отделом археологии Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. А. Абаева.
- 3. Чибиров Людвиг Алексеевич** - доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. А. Абаева.
- 4. Дзаттиаты Руслан Георгиевич** - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. А. Абаева.
- 5. Цуциев Аслан Аркадьевич** - кандидат исторических наук, декан исторического факультета СОГУ им. К. Л. Хетагурова.
- 6. Гаглойти Роберт Хазбиевич** - кандидат исторических наук, доцент, директор Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З.Н. Ванеева Правительства Республики Южная Осетия.

Содержание:

1. **Гаглойти Ю. С.**
Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории осетин.....3
2. **Туаллагов А. А.**
К проблеме начального этапа этногенеза осетин по данным археологии (вопросы историографии).....20
3. **Чибиров Л. А.**
Ареальные связи Нартиады и их исторические истоки.....33
4. **Дзаттиаты Р. Г.**
Пояс из Едысского могильника.....53
5. **Цуциев А. А.**
Сасанидские монеты в археологических памятниках севера и юга Осетии59
6. **Гаглойти Р. Х.**
О некоторых предметах глиптики из позднеантичных могильников Южной Осетии(к Корпусу глиптического материала Осетии).....63

Материалы международной научной конференции

«Этногенез и этническая история осетин»

май 2014 год.

г. Цхинвал

Редактор – Гассиева Н.К.
Технический редактор – Никонова М.Т.
Компьютерная верстка – Никонова М.Т.

Формат 60x84/16
Печать офсетная
Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии ЮОГУ
Московская, 8
Цхинвал, 2014г.